
Вл. Разумневич
Роман о легендарном начдиве

Вл. Разумневич

РОМАН О ЛЕГЕНДАРНОМ НАЧДИВЕ

«ЧАПАЕВ» ДМИТРИЯ ФУРМАНОВА

Книга для учащихся

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1979

83.3Р7
Р17

Разумневич Вл.

Р17 Роман о легендарном начдиве: «Чапаев» Дмитрия Фурманова. Книга для учащихся.— М.: Просвещение, 1979.— 112 с., с ил.

В книге раскрывается литературное и общественное значение романа Д. Фурманова «Чапаев». Автор рассказывает о писателе, об истории создания образа Чапаева, его прототипе, об идейно-художественном своеобразии одного из первых романов социалистического реализма

Р $\frac{60601-535}{103(03)-79}$ 251—79 4 306 020 300

ББК 83.3Р7
8Р2

Всегда радостно открывать для себя героя, судьба которого становится для тебя примером на всю жизнь.

Таким героем для миллионов людей стал талантливый советский полководец Василий Иванович Чапаев.

Проходят годы, но легендарный, вдохновляющий образ его не меркнет в памяти народной. Он по-прежнему учит подростков и взрослых мужеству и отваге, любви к Советской Родине.

Чапаев живет и побеждает вместе с нами. И рядом с ним всегда, неизменно, как и прежде, его боевой друг — Дмитрий Фурманов, комиссар, писатель-коммунист, автор бессмертного романа «Чапаев».

Возвращение к любимой с детства книге всякий раз волнует по-особенному. Это как встреча со старым, надежным другом. Такая встреча всегда вызывает раздумья, заставляет как бы заново пережить судьбу бессмертного героя, свет подвига которого озарил путь к героизму многим и многим читателям.

РОЖДЕНИЕ РОМАНА. ПРОШЛОЕ — ПОДГОТОВКА

Поставлена последняя точка в рукописи, и Дмитрий Фурманов, измученный бессонницей и напряженной — изо дня в день, из месяца в месяц! — изнурительной работой за столом, 4 января 1923 года записывает в дневник: «Только что закончил я последние строки «Чапаева». Отделал начисто. И остался я будто без лучшего, любимого друга. Чувствую себя как сирота. Ночь. Сижу я один за столом у себя и думать не могу ни о чем, писать ничего не умею, не хочу читать. Сижу и вспоминаю, как я по ночам страницу за страницей писал эту первую многомесячную работу. Я много положил на нее труда, много провел за нею бессонных ночей. Много, часто неотрывно думал над нею—на ходу, сидя за столом, даже на работе: не выходил у меня из головы любимый «Чапаев». А теперь мне не о чем, не о ком думать. Я уж по-другому размышляю и о другом: хороша ли будет книжка, пойдет ли, нет?...

Приблизился час моего вступления в литературную жизнь. Прошлое — подготовка».

Глубокая грусть, рожденная неминуемым расставанием с дорогим героем, перемежается в дневниковых запи-

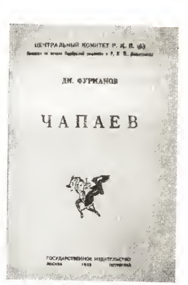

Дмитрий Фурманов. Комиссар Чапаевской дивизии. 1919 год.

сях с тревожными раздумьями автора о предстоящей судьбе рукописи.

Свободно владея историческим материалом, он смог в сравнительно короткий срок завершить работу над произведением, ставшим в советской художественной литературе одной из первых фундаментальных книг о борьбе трудового народа за власть Советов, о социалистической революции, поднявшей из низов жизни на вершину ратного подвига крестьянского сына Василия Чапаева.

Дмитрий Фурманов написал книгу, о которой давно думал, к которой долго и упорно готовил себя. На этот свой первый по-настоящему крупный по объему и охвату событий литературный труд он возлагал большие надежды. «Идучи бульваром, думал: где счастье? — писал он в дневнике.— К примеру, скажем, написал вот книгу, «Чапаева» написал. Всю жизнь мою только и мечтал о том, чтобы стать настоящим писателем, одну за другой выпускать свои книги... Так неужели нельзя счастьем назвать то время, когда выходит первая большая книга?.. Через неделю книга будет в руках. С удовольствием, с надеждами возьму ее, буду верить и ждать, что станут о ней говорить, говорить обо мне... На «Чапаева» смотрю как на первый кирпич для фундамента...»

Первое издание романа «Чапаев».

С волнением ожидал он выхода книги. И вот спустя два месяца после сдачи рукописи в набор ему позвонили из издательства и сообщили, что книга отпечатана и автор может получить первые экземпляры.

Как на крыльях, радостно устремился он в издательство, к старшему своему товарищу по партии и литературе Пантелеймону Николаевичу Лепешинскому. Тот встретил его приветливо и, вручив автору экземпляр книги, пахнущий свежей типографской краской, сказал одобряюще: «Хорошо. Очень хорошо. Это одно из лучших наших изданий... Это ново. Читать нельзя иных мест без волнения... Успех будет большой...»

Такой лестный отзыв старейшего большевика-литератора, конечно, взволновал и обрадовал автора. Но тревога в душе не угасла. Книга еще не дошла до читателя, и неизвестно, сбудется ли доброе пророчество Лепешинского о ее предстоящем успехе. Как-то отнесутся к «Чапаеву» читатели, критика?

Сразу же после выхода книги в свет о ней повсеместно заговорили, заспорили.

Как и ожидал Фурманов, спор велся и о том, к какому жанру отнести произведение. Большинство читателей и критиков сошлось на одном мнении — книга по своему

содержанию и художественному исполнению является романом, но романом совершенно самобытным, нетрадиционным, по-настоящему советским, каких не было и не могло быть прежде, до революции. «Чапаев» был признан незаурядным явлением социалистической литературы.

Отличительная особенность и новизна романа, по мнению критиков, заключалась прежде всего в том, что в нем впервые художественно ярко и правдиво воссоздан образ настоящего героя революционной эпохи, отражена руководящая роль коммунистической партии и пролетариата в гражданской войне, что Фурманов первым среди советских писателей проявил себя художником, как было написано тогда в одной из рецензий, «который показывает нашу революцию в том ее настоящем виде, в каком очень многие ее не видят».

В 20-х годах литература вела напряженный поиск нового героя — борца за революционное преобразование мира, беззаветно преданного интересам партии и народа. В статьях и литературоведческих исследованиях высказывались предположения, каким должен быть литературный герой — носитель лучших человеческих качеств революционера-ленинца, строителя социалистического общества. Разговоры эти велись чаще всего в теоретическом плане, так как до появления романа Фурманова такого героя в литературе не было. Изобразив реального героя революционного времени, Дмитрий Фурманов наглядно показал один из путей, которым должен следовать советский писатель в решении этой важной задачи.

Очень точно определил место «Чапаева» в литературе социалистического реализма К. А. Федин, сказавший о том, что автор романа одним из первых поставил «во главу повествования художественное изображение нового героя современности... В начале 20-х годов только немногие писатели вплотную садились за решение этой задачи. Едва ли не большинству представлялось, что с ней можно повременить, пока жизнь не создаст кристально сложившуюся форму современного героя. Такого решения задачи, как герои Фурманова, кроме него, тогда еще никто не дал. Распространено было убеждение, что в развивающемся новом сознании еще не содержится будущий тип его. Я лично, например, тоже был убежден, что, пока материал зыблется, художник не способен его схватить».

Как видим, один из крупнейших советских писателей, ссылаясь на свой былой литературный опыт, отдает предпочтение художническому поиску Дмитрия Фурманова, говорит о новаторской сущности его творчества, его способности в недрах текущей жизни найти типического героя, несущего в себе черты будущего человека коммунистической формации.

Многие критики увидели в авторе «Чапаева» талантливого представителя новой, социалистической литературы, по-своему развивающего горьковские традиции в художественном показе героики революционной борьбы. «Нечего рекомендовать книгу тов. Фурманова. Ее достаточно знают»,— писал вскоре после выхода «Чапаева» журнал «Октябрь». Журнал назвал это произведение интересным и оригинальным образцом пролетарской литературы, имеющим не только огромное историческое, но и, бесспорно, художественное значение. В другой рецензии этого же журнала утверждалось, что образ большевика-комиссара Клычкова, созданный писателем, «удивительно яркий художественный тип настоящего комиссара революции. Вне этого типа, минуя фурмановского Клычкова... теперь нельзя уже писать». Отмечалось идейно-художественное единство фурмановского творчества, «где революционная логика празднует победу над всем случайным и временным, мы видим, как рождается художник, как революционер начинает говорить языком искусства, потому что его убежденность, проверенная практикой, вошла в его «плоть и кровь». Говоря о высоких художественных достоинствах «Чапаева», в котором «романные начала... всячески очевидны», критик журнала «На литературном посту» писал: «В «Чапаеве», написанном в 1922 году, нет следов тех речевых заболеваний, которыми в ту пору занемогла вся пролетарская проза. «Чапаев» держит курс на сегодняшнюю лексическую скромность».

Стремительный скачок в художественном развитии фурмановского творчества для многих был полной неожиданностью. «Чапаев» как-то сразу, внезапно выдвинул Фурманова вперед. Иные исследователи даже впали в растерянность, не зная, как и чем объяснить столь быстрый творческий взлет писателя, освоившего приемы художественного мастерства, новаторского, свободного обращения с многообразием изобразительных средств.

В критических статьях, посвященных «Чапаеву», стало высказываться мнение о том, что Фурманову просто-напросто «повезло», что он встретил в жизни незаурядную личность, истинного советского героя-полководца, который сам по себе настолько выразителен и самобытен, что писателю-де, не было нужды прибегать к каким-либо художественным приемам, к творческой фантазии, а требовалось лишь с фотографической точностью зафиксировать увиденное и услышанное, описать с предельной точностью все как было—и роман готов! Отсюда и стало проникать на страницы журналов и газет утверждение о «хроникальности» и «фотографичности» фурмановского произведения, о натуралистическом воспроизведении действительности. При этом подчас сбрасывалось со счетов художественное дарование автора, его удивительная способность озарять светом революционного идеала конкретное историческое событие и конкретную историческую личность. А ведь именно это поднимало обыденный факт до высот подлинной романтики, заставляло читателя сопереживать герою, жить его тревогами и радостями, вбирать в себя его силу, мудрость, идейную страстность.

Конечно, близкое знакомство с яркой человеческой натурой, с легендарным начдивом способствовало рождению литературного героя, который прочно занял место в первом ряду художественных творений советских писателей. Но ведь в одно время с Чапаевым получили известность и другие талантливые полководцы гражданской войны, которые тоже вышли из народа и были подняты на гребень славы могучей волной революции. Были попытки писателей создать образ народного героя. Почему же в таком случае Дмитрий Фурманов раньше других с потрясающей художественной силой нарисовал образ народного героя, беззаветного революционного борца за построение нового, социалистического общества?

Потому, наверное, что он сам был ярким примером пламенного революционера-писателя, наделенного большевистским мировоззрением, художественной зоркостью, способностью увидеть в жизни рождение нового.

Он смог разглядеть в Чапаеве характерные черты героя советского времени, а затем и талантливо создать героический образ, живой и зримый.

Писатель Ю. Либединский, как и многие другие литераторы, решительным образом опроверг несостоятельную

и субъективистскую критику исследователей, не понявших художественного своеобразия творчества Дмитрия Фурманова, обвинявших его в нарушении устоявшихся принципов композиционного и сюжетного построения романа, в установке на «фактичность», «хроникальность» и «документальность».

«Творчество Дмитрия Андреевича Фурманова,—писал Ю. Либединский,—отнюдь не фотографически-протокольно. Он умеет в живых, описываемых им людях подчеркнуть те черты, которые определяют принадлежность того или иного человека к определенной общественной группе, и поэтому живая индивидуальность всегда приобретает у Фурманова характер типичности. Его Чапаев не только живой, подлинный Чапаев — это собирательный образ, в котором показаны черты многих героев, порожденных эпохой гражданской войны»

Высокую оценку «Чапаеву» дали видные руководящие работники партии и советской культуры М. В. Фрунзе, В. А. Антонов-Овсеенко, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и другие.

С большой любовью отнесся к Дмитрию Фурманову, к его творчеству А. С. Серафимович, активно включившийся в полемику с критиками, не понявшими истинного характера фурмановского новаторства. «Невольно приходит мысль,— писал он,— был ли Фурманов натуралистом, фотографом, который берет только голую действительность; перед Фурмановым могла встать такая опасность. Но почему же эта опасность миновала Фурманова? Почему мы его произведения воспринимаем как глубоко художественные, как реалистические? Куда же девалась масса его фотографических снимков? Ясно, что он делал отбор. Все его вещи с огромной силой освещены революционным содержанием. Эти материалы собраны как бы натуралистически, но огромное художественное чутье позволило ему отобрать основное и реалистически художественно построить свой материал».

Имя Фурманова быстро приобрело широкую популярность в читательских массах, а главный герой романа, показанный с большой реалистической силой, оттеснил на задний план однотипных персонажей в кожаных куртках — героев книг того времени.

Все, что было написано им прежде — юношеские стихи, очерки и корреспонденции, публиковавшиеся в мо-

сковских газетах «Русское слово» и «Известия», в газетах Иваново-Вознесенска «Рабочий город» и «Рабочий край», первая книга «Красная Армия и трудовой фронт», изданная в виде брошюры в 1921 году, повести о гражданской войне «В восемнадцатом году» и «Красный десант», появившиеся в печати незадолго до завершения работы над «Чапаевым»,— все это он считал лишь пробой пера, подготовкой к настоящему, серьезному литературному труду.

Над «Чапаевым» он работал с самозабвенной увлеченностью, недосыпая и недоедая, не оставляя времени на отдых.

Приступив к написанию книги осенью 1922 года, он стремился закончить роман к пятой годовщине образования Красной Армии и выполнил задуманное — уже в начале следующего года отнес готовую рукопись в издательство.

Столь рекордные темпы творческой работы объясняются не только редкостной усидчивостью автора, целиком посвятившего себя воплощению своего художественного замысла, но и глубоким, всесторонним предварительным освоением материала, положенного в основу произведения.

Материал для «Чапаева» в основном он взял из реальной действительности, из того, что автор лично знал и пережил, с чем столкнулся в огневые годы гражданской войны, будучи комиссаром прославленной Чапаевской дивизии.

Благодаря дневниковым записям, где довольно полно фиксировались наиболее важные и интересные факты фронтовой жизни, благодаря постоянному общению с ветеранами-чапаевцами, изучению архивного материала, газет и журналов военной поры Дмитрий Фурманов воскресил в памяти былое, расширил свои познания о любимом герое и боевых действиях чапаевцев. С помощью Ивана Семеновича Кутякова, который командовал 25-й дивизией после гибели В. И. Чапаева, он нашел карты 1920 года тех мест, где сражались чапаевцы, стремился по возможности как можно точнее, конкретнее воспроизвести боевые события. «Голова и сердце полны этой рождающейся повестью,— писал он, приступая к работе над рукописью.—Материал как будто созрел. Ощупываю себя со всех сторон. Готовлюсь: читаю, думаю, узнаю, припоми-

наю — делаю все к тому, чтобы приступить, имея в сыром виде едва ли не весь материал, кроме вымысла».

По композиционному построению, многоплановому отражению картин массового революционного движения, острых драматических событий из истории гражданской войны, по обилию действующих лиц, по глубине проникновения в психологию главных героев — представителей революционного народа, выписанных во всей полноте и сложности, книга Дмитрия Фурманова «Чапаев» по полному праву является героико-эпическим романом.

Создание художественной эпопеи о гражданской войне было заветной мечтой Дмитрия Фурманова. Уже после того, как следом за «Чапаевым» им была написана еще одна книга о гражданской войне— «Мятеж», в письме Алексею Максимовичу Горькому он чистосердечно признался: «Открою вам свою сокровенную мысль, свой план: я, вероятно, проработаю так же детально и серьезно, как в «Чапаеве» и «Мятеже», материал по гражданской войне на других фронтах. Когда буду вполне им владеть, когда научно буду подкован — стану писать эпопею гражданской войны: это уж в форме романа, там уж руки у меня не будут так связаны историзмом, как связаны они были в этих двух книжках».

Еще задолго до того, как критики определили жанр «Чапаева», Дмитрий Фурманов мучительно думал о том, как безошибочней охарактеризовать написанное произведение — то ли это повесть, то ли историческая хроника, то ли воспоминания. А может быть роман? Определить это было непросто.

Решив, видимо, что читатель, привыкший к традиционным формам романа, не отнесет к этому жанру его «Чапаева», построенного на конкретном историческом материале, Дмитрий Фурманов на титульном листе рукописи с предельной скромностью написал — «Очерки из гражданской войны в уральских степях». Чтобы читатель не сомневался в исторической правдивости книги, Фурманов сообщил в предисловии, что она создана по материалам «записной книжки, оставшимся на руках документам, воспоминаниям, статьям — своим и чужим, беседам с некоторыми из дивизионных товарищей».

Писатель явно преуменьшал значение своего литературного труда, определив его как документальное историческое повествование. Современники Д. Фурманова, по-

следующие поколения литературоведов и критиков единогласно утверждают, что по своим художественным компонентам произведение это далеко выходило за рамки чистой документалистики — мемуарной литературы. Это произведение — роман, роман нового типа. Но не тот роман, центром которого по давней традиции было изображение семейной драмы, а семейный конфликт являлся его сюжетной основой. В русской классической литературе, как известно, существовали и прежде романы, где судьбы народные ставились в центр повествования, где художественно раскрывались важнейшие социально-исторические, политические события. Прекрасные тому примеры — романы Л. Толстого, Н. Чернышевского, М. Горького и других. Д. Фурманов продолжил традиции передовой революционной литературы.

В произведении в органическом единстве живет художественная и историческая правда, факт и вымысел, реальная, конкретная личность и герой, рожденный творческой фантазией художника. В документальную основу книги, не нарушая исторической и фактической достоверности, он смело ввел народные речения, песни, сказы, широко использовал разговорный крестьянский язык, поговорки, пословицы.

Поражает богатство авторской интонации — то доверительно-лирическая, то открыто публицистическая, полная высокого гражданского пафоса, то философски-раздумчивая, то песенно-поэтическая, насыщенная фольклорной образностью. Автор здесь выступает не бесстрастным летописцем. Он близко к сердцу принимает происходящее и передает это свое волнение читателю, используя самые разнообразные изобразительные средства. Вкрапленные в повествование пейзажные зарисовки позволяют не только с документальной точностью увидеть особенности местности, простор приволжских и уральских степей, но и глубже почувствовать настроение героев.

Книга не смогла бы с такой покоряющей силой воздействовать на ум и сердце читателя, если бы писатель следовал за фактами истории без вдохновенного их осмысления, без одухотворения документального материала своим воображением.

Влюбленный в творчество Льва Толстого и Максима Горького, он не захотел быть простым фиксатором событий, не стал изображать мелочи жизни безо всякого от-

бора, сообщать подробности, не имеющие никакого значения для развития действия, не играющие роли в судьбах героев. Писатель, работая над книгой, постоянно прибегал к литературному вымыслу, который не только не противоречил художественной правде, но и способствовал более точному, углубленному раскрытию исторической действительности, исторической личности. В его книге, как признавался он в своем дневнике, «обрисованы исторические фигуры — Фрунзе, Чапаев. Совершенно неважно, что опущены здесь мысли и слова, действительно ими высказанные, и, с другой стороны, приведены слова и мысли, никогда ими не высказывавшиеся в той форме, как это сделано здесь. Главное, чтобы характерная личность, основная верность исторической личности была соблюдена... Одни слова были сказаны, другие не могли быть сказаны... Только не должно быть ничего искажающего верность и подлинность событий и лиц».

В произведении смело и талантливо изображено движение трудовых масс в революцию, показан рост личности в горниле революционных битв и сражений за власть рабочих и крестьян. Все это было необычным, новаторским в советской литературе того времени.

Таких людей, как Чапаев, Фурманов искал всю свою сознательную жизнь, с первых лет литературных мечтаний, поэтических проб. Эта мечта возникла в нем еще перед революцией под влиянием книг, которые он читал ребенком, под влиянием революционной действительности, которая в юности привела его к большевикам. В автобиографии он так рассказал о своем жизненном пути: «Я свое раннее детство помню в жалких обрывках: годов до восьми. А тут пристрастился читать. И с тех пор читал много, горячим запоем, особо усердно Конан Дойля, Жюля Верна, Майна Рида, Вальтера Скотта и в этом роде.

Ученье: городское шестиклассное в Иваново-Вознесенске, там же торговая школа, потом на Волге, в Кинешме, за три года окончил пятый, шестой, седьмой классы реального.

Засим Московский университет. Закончил по филологическому факультету в 1915 году, но не успел сдать государственные экзамены — братом милосердия с поездами и летучками Земсоюза гонял на Турецкий фронт, по Кавказу, к Персии, в Сибирь, на Западный фронт под Двинск, на Юго-Западный, на Сарны-Чарторийск.

Чапаев-герой. *Художник А. Никонов.*

В половине 1916 года приехал в Иваново-Вознесенск и вместе с близким другом по студенчеству Михаилом Черновым работал преподавателем на рабочих курсах.

Ударила революция 1917 года.

Пламенные настроения, при малой политической школе, толкнули быть сначала максималистом, дальше анархистом, и казалось, новый желанный мир можно было построить при помощи бомб, безвластья, добровольчества всех и во всем...

А жизнь толкнула работать в Совете рабочих депутатов (товарищем председателя), дальше — в партию большевиков, в июле 1918 года — в этом моем повороте огромную роль сыграл Фрунзе: беседы с ним расколотили последние остатки анархических иллюзий.

Вскоре работал секретарем губкома партии, членом губисполкома.

Потом с отрядом Фрунзе на фронт. И там: комиссаром 25-й Чапаевской дивизии, начальником политуправления Туркестанского фронта, начальником политотдела Кубанской армии, ходил в тыл к белым на Кубани комиссаром красного десанта, которым командовал Епифан Ковтюх. Тут контужен в ногу. Вместе с другими шестью за этот поход награжден орденом Красного Знамени. Потом в Грузию, из Грузии на Дон, с Дона в Москву. И здесь с мая 1921 года.

1917—1918 годы писал в «Рабочем городе» и «Рабочем крае» (Иваново-Вознесенск); годы 1919—1921 много писал публицистических и руководящих статей в военно-политических журналах; в то же время сотрудничал нерегулярно в газетах («Известия ВЦИК», «Рабочий край», «Красное знамя», «Коммуна» и др.). С 1921 года, приехав в Москву с фронта, написал «Красный десант», «Чапаев», «В восемнадцатом году», начал сотрудничать в московских журналах.

В начале 1925 года вышла новая книга — «Мятеж», посвященная гражданской войне в Семиречье летом 1920 года.

После «Мятежа» вышло еще несколько книжек. Теперь вот года четыре литературную работу считаю главной, основной. Писал я и раньше, писать начал давно, но тогда это было словно между делом. Теперь — иное. Даже совсем иное».

Если мы прочитаем все произведения, которые написал Дмитрий Фурманов до «Чапаева», то увидим —всю свою сознательную жизнь он тянулся к людям высоких дел и чувств, героям нового времени.

Это была мечта о светлой и благородной личности из народа, о герое, человеке мужественном, талантливом, светлом, добром. Мечта эта пленила душу юноши. И он, еще будучи пятиклассником Кинешемского реального училища, почувствовав желание «сделаться писателем и обязательно поэтом», оставил в дневнике такую трогательную запись: «Я уважаю человека, кто бы он ни был, я смело могу даже сказать о себе, что я могу полюбить даже человека естественно за то, что он беден. И это я говорю чистую правду, ничуть не рисуясь и не хвалясь своими чувствами,— я бедных люблю более, нежели богатых. Бывают со мной часто такие случаи: говорят что-нибудь о человеке хорошее, достойное уважения, подражания и любви, говорят о его добродетелях... Слушаешь, узнаешь, что он богат, а в душу как-то невольно вкрадывается сомнение в чистоте дела: или подозреваешь аферу, или в крайнем случае рисовку... Мало, очень мало верю я богачам... Но стоит сделать бедняку из этого хотя бы сотую долю, как сердце мое уже пылает к нему любовью и уважением; я возношу его в своих мыслях, представляю его себе необыкновенным даже человеком и вижу в нем золотое сердце...»

Вся жизнь Д. Фурманова была подготовкой к созданию образа героя, которого он нашел лишь в дни гражданской войны.

Дневниковые записи, свидетельствуют о серьезных раздумьях юного Фурманова, о росте его политического сознания.

«Человек только тогда истинно высок,— размышляет он,— когда, свято исполняя обязанности человека и гражданина, он кладет все свое достояние, материальное и духовное, исключительно на благо общественное...» И это — не общие фразы, а его твердый, глубоко осмысленный принцип жизни, жажда полезной деятельности, желание безраздельно слиться с народом, не отделять себя от тех кипучих общественных дел, которые совершаются вокруг. «Пойду по народу,— строит он планы на будущее,— не «в народ», а «по народу»: есть страстное желание пережить как можно больше чужих жизней, чтобы знать жизнь мира... Это желание родилось давно— теперь оно преследует меня днем и ночью... Я дворник, сапожник, лакей, портной, народный учитель, крестьянский работник, ломовой извозчик... и много, много дел встает передо мной... Это не пустая мечта—это серьезное желание».

На турецком фронте он был санитаром, «братом милосердия», сам видел растущее недовольство солдат царскими порядками, чувствовал неминуемую революционную грозу, которая внесет в сознание трудового народа новый смысл, даст высокую цель и поднимет его на борьбу «за идею, за святое дело... тогда на крови павших бойцов создадутся колонны молодой, новой жизни».

Когда выстрел «Авроры» возвестит о начале революции и Дмитрия Фурманова назначат председателем Иваново-Кинешемского райсовета, затем и председателем Иваново-Вознесенского губисполкома, он восторженно напишет в дневнике: «Я увидел и почувствовал всем моим существом, что здесь, в Революции,— целый океан поэзии, что здесь и безмерная отвага, и чистота бескорыстия, и нечеловеческое дерзание, что здесь воплощается в самой жизни... огромная красота».

Каждая страница жизни Фурманова неотделима от главной цели, поставленной им перед собой,— борьбы за светлую долю трудового народа. Вместе с отрядами иваново-вознесенских рабочих он отправляется на решаю-

щий фронт гражданской войны, чтобы отстоять в священной борьбе молодую, новую жизнь, о которой он так мечтал. «Вот уже скоро два года,— вспоминает он,—как горю, горю, не угасая. Как робки, неопытны были мои первые революционные шаги! Как тверды, спокойны, уверенны они теперь! Неизмеримо много дали мне эти два года революции! Кажется, целую жизнь не получил бы, не понял бы, не пережил бы столько, сколько взято за время революционной борьбы. Все самое лучшее, самое благородное, что было в душе, все обнажилось, открылось чужому горю, чужому и собственному взору... Прощай же, мой черный город, город труда и суровой борьбы! Не ударим мы в грязь лицом, не опозорим и на фронте твое славное имя, твое геройское прошлое. Мы оправдаем название борцов за рабочее дело... Неизмеримою радостью ширится душа. Тихою грустью разлуки томится, печалится она. Прощай же, прошлое — боевое, красивое прошлое! Здравствуй, грядущее, здравствуй, новое, неизведанное — еще более славное, еще более прекрасное!»

Активное участие в революционной борьбе наполняет Дмитрия Фурманова гордым и радостным чувством личной причастности к величайшим свершениям века, открывает перед ним широкие горизонты творческой работы, общественной деятельности.

«Революция,— читаем мы в дневнике,— сразу поставила меня на ноги. Теперь я тверд, и разум мой ясен. Я был до революции, так сказать, потенциальным коммунистом, а теперь эту свою природную потенцию выявил на волю во всей красоте, и простоте, и силе. Сила еще не ушла. Простота была всегда, осталась она и теперь. Красота? Да, в этом развертывании есть и красота, ибо в душе моей живет художественное начало, ибо я жил все время как художник, мыслил и чувствовал образами. И теперь в революционном творчестве я проявляю себя порою именно как художник...»

Росла политическая активность Дмитрия Фурманова, и одновременно с этим росло и крепло его литературное мастерство, вбирая в себя художественный опыт русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, литературные симпатии к которым определились у него еще в ранней юности. «Писарев и Добролюбов,— писал он тогда,— перевернули вверх дном все мои убеждения». Под непосредственным

влиянием некрасовской поэзии он написал стихотворение «Три думы», выразив в нем свои сокровенные чаяния:

Три думы были у меня:
Одна — все старое разрушить,
Другая — новое родить,
А третья — грех обезоружить
И счастье в жизни воплотить.

Посланное в редакцию газеты «Ивановский листок», стихотворение это не было напечатано по политическим мотивам. Но юный автор не смирился, не изменил своей вере в демократические идеи. Он пишет новые стихи, где открыто высказывает свое презрение к угнетателям трудового народа, к тем, кто забыл «про горе народное, про глухую людскую вражду».

Осмысливая свои первые шаги в самостоятельную жизнь, Фурманов в 1911 году приступает к работе над повестью «Юность». Замысел повести он раскрыл в своем дневнике: «В ней думаю описать и нашу жизнь и причины, толкающие нашего брата на ту или иную дорогу. В «Юности» думаю поставить центральное лицо, имеющее в некоторой степени черты и Онегина и, главным образом, Штольца».

Судя по подробному плану неоконченной повести, Фурманов надеялся создать образ мятежной, ищущей личности, вступающей в резкий конфликт с бездеятельными и лживыми людишками, с прогнившими устоями тогдашней действительности. И все же бунтарская личность эта еще не содержала в себе четкой политической окраски, революционной сущности.

Лишь через пять лет, в 1916 году, напишет он стихотворение «Пробуждение великана», где будет нарисован собирательный образ нового героя «с мудрой душою и мощью широкой», напоминающий народный характер.

К созданию сильного характера человека-борца Фурманов подойдет после вдумчивого изучения творчества Максима Горького. Глубокое впечатление, вызванное горьковской повестью «Детство», заставит его задуматься над образом маленького Алеши, который, как определил Фурманов, «выдержит любую борьбу, не задохнется и не испортится в любой атмосфере». После прочтения «Старухи Изергиль» и других романтических рассказов Горького он попытается и сам попробовать свои силы в этом жанре, напишет и опубликует в ноябре 1917 года в газете

«Рабочий край» «Легенду об унгалах», о борьбе народа за лучшую долю, за свободу и счастье. Люди-великаны из племени унгалов, живущие «далеко-далеко, за высокими горами, за темными морями, по глубоким пещерам и тихим долинам», восстают против своего владыки карлика Крафта и его приспешников, питавшихся их кровью, и под водительством Глюка — доброго духа изгоняют кровожадных эксплуататоров. В сказочной форме автор воспел революцию, принесшую трудовому народу освобождение от царского гнета.

Произведение это очень близко к ранним горьковским рассказам по форме и по своему содержанию, по романтической приподнятости.

Влияние Горького на творчество Дмитрия Фурманова возрастало год от года, все теснее и теснее связывая его с пролетарской литературой, с политическими задачами революционного времени. К началу работы над «Чапаевым» окончательно определяется под сильным воздействием горьковского таланта его идейно-эстетические взгляды, получает дальнейшее развитие его художественное мастерство, его способность через реальный исторический образ воссоздавать дух революционного времени, раскрывать процесс идейного созревания личности борца-коммуниста.

Если мы проанализируем поэтические и прозаические произведения Фурманова, появившиеся в печати до выхода в свет романа о легендарном начдиве, то наглядно убедимся, как постепенно росло художественное мастерство писателя, которое затем особенно полно проявилось в «Чапаеве». Так, читая его очерки периода первой мировой войны —«Братское кладбище на Стыри», «На стоходе», «Сестры и братья», «Смерть летчика», «Серые герои», «Рассказ фельдфебеля», «В поисках хлеба», поражаешься умению автора точно схватить детали солдатской жизни, тонко изобразить психологическое состояние героя, дать многогранную характеристику.

Как и в этих ранних очерках, так и в дневниковых зарисовках Фурманова отчетливо проступают черты будущего автора «Чапаева»— его глубокое уважение к солдатскому подвигу, умение раскрыть душу простого русского человека, показать солдата и в гуще военного сражения, и на госпитальной койке, и на привале во время похода.

А сколько народной мудрости, зоркой наблюдательности, солдатского юмора, метких крестьянских словечек и поговорок находим мы в беглых заметках о фактах войны и о людях на войне! Невольно поражаешься, как он, постоянно занятый своими обязанностями санитара, успел так много увидеть и записать фактов, деталей, подробностей солдатской жизни.

Особенно его притягивали к себе люди ратного подвига, скромные и незаметные герои, честно исполнявшие свой солдатский долг. «Главная их заслуга в том,— говорит автор, — что они вполне искренне не замечают своего героизма — настоящего и цельного героизма, не опозоренного хвастовством и жаждой славы».

Без этих наблюдений, без этого первого опыта создания художественного портрета, описания массовых народных и батальных сцен, без этих первых попыток соединить строгую документальность с высокой художественностью, слить реалистическое повествование с яркой публицистичностью — не мог быть создан «Чапаев». Фурманов писал в своих дневниках, что он занимался сбором документальных материалов и свидетельств с дальним прицелом, с расчетом на будущую книгу. И, надо сказать, фронтовые записи сослужили добрую службу в дальнейшем развитии литературного дарования писателя.

Но, пожалуй, еще большую ценность в процессе работы над романом «Чапаев» приобрели записи времен революции и гражданской войны, когда Дмитрий Фурманов, вступив в Коммунистическую партию, сблизился с прославленным революционером и военачальником М. В. Фрунзе, стал комиссаром 25-й дивизии, которой командовал В. И. Чапаев, затем работал начальником Политуправления Туркестанского фронта, участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в городе Верном, в разгроме вражеского десанта генерала Улагая, редактировал в Тифлисе армейскую газету «Красный воин», откуда был откомандирован в Москву на должность политредактора Высшего военного редакционного совета. О беззаветном служении Фурманова делу партии хорошо сказал Александр Серафимович. Он дал очень точную характеристику писателю-комиссару, писателю-бойцу: «Куда бы его ни посылала партия, какие бы ему ни давала директивы, она спокойно могла положиться на своего бойца и работника. Его посылают в пролетар-

ские массы пропагандистом-агитатором, он идет и прекрасно проводит свою работу. Его посылают на советскую работу, он ее отлично ведет. Его посылают на очень сложную и тонкую работу комиссара в Красную Армию, он идет к полувраждебно и подозрительно встречающему его Чапаеву, и они крепко обнимаются, когда пришло время расставаться, обнимаются, как кровные братья, ибо Чапаев почувствовал, что между ними выросла крепкая, неразрывная спайка, почувствовал, что сам стал смотреть на мир иными глазами. Его посылают на дипломатическую работу, и он ее проводит как давнишний дипломат... Какая же основная черта его как писателя? А вот какая. Верхом проскакивает он обстреливаемую полосу. Цепи залегли. Он торопливо вытаскивает записную книжку и, нагнувшись над конской шеей, быстро записывает. Он описывает дальние увалы, изломанно залегшую цепь, оброненную Чапаевым пару слов. Куски жизни, трепещущие, еще теплые, они идут в рассказ. Его рассказы это — то, что он видел, слышал, пережил. Это — сама правда, сама действительность.

В своей литературной работе Дмитрий Фурманов следовал твердому, раз и навсегда установившёмуся принципу — от дневниковых записей, от газетных корреспонденций, написанных им по горячим следам событий, от первых обрывочных впечатлений — к широкому и всестороннему осмыслению, к художественному обобщению увиденного и узнанного, от сухих фактов действительности — к живым, образным картинам, к явлениям высокого искусства, где не должно быть ничего случайного, несущественного, малозначительного.

Находясь на посту политического комиссара Чапаевской дивизии, он не забывал отправлять в родную иваново-вознесенскую газету «Рабочий край» очерки и корреспонденции, в которых рассказывал землякам, как сражаются с Колчаком чапаевцы, рисовал картины фронтовой жизни, описывал отдельные военные операции и героические случаи, свидетелем которых он был, разоблачал продажную политику белогвардейского правительства, клеймил предателей. Впоследствии, работая над «Чапаевым», он обогатил этот документальный материал новыми художественными красками, расширил и дополнил свои прежние записи, и они в несколько измененном, обобщенном виде органично вплелись в художественную

ткань повествования. Некоторые же из газетных очерков, такие, как «Пилюгинский бой», «Уфимский бой» и «Освобожденный Уральск», были в дальнейшем преобразованы в отдельные главы романа «Чапаев».

Наблюдая за поведением и действиями красноармейцев в боевой обстановке, комиссар Фурманов обращал внимание прежде всего на политическую закалку бойцов и командиров, подмечал то новое, революционное, что рождалось в ходе гражданской войны.

Тема революционного преобразования личности, формирования нового духовного облика человека под влиянием идей социализма — эта тема главенствовала как в его газетных очерках, так и в более крупных литературных произведениях, созданных зачастую на материале этих очерков. В документальном фурмановском произведении «На подступах Октября» даны выразительные портреты иваново-вознесенских ткачей, включившихся в революционную борьбу за власть Советов. В повести «Красный десант», в основу которого легли личные наблюдения и переживания автора, близко знавшего участников операции уничтожения белогвардейской армии на Кубани, сделан новый, заметный шаг в художественном отражении процесса формирования революционной личности.

Рядом с бесстрашным советским военачальником Епифаном Ковтюхом, возглавившим красный десант, в повести действуют отважные воины — пулеметчик Коцюбенко, кавалерист-комсомолец, лихой в пляске и в бою Ганька, богатырского сложения эскадронный Чобот, умелый наездник Танчук, непримиримый к врагу матрос Леонтий Щеткин, закаленный в боях, находчивый и храбрый командир Ковалев... Разные по возрасту и национальности, люди эти идут навстречу смерти, объединенные одним пламенным желанием — отстоять власть Советов, утвердить на земле счастливую жизнь для трудового народа.

Создавая тот или иной образ, писатель сохранил неповторимый облик, характер реальной личности, особенности разговорной речи. Он не только показал индивидуальное своеобразие каждого персонажа, но и воспроизвел массовый героизм революционного народа, его нерушимую идейную сплоченность.

В этой повести мы видим склонность автора к широкому, многоплановому показу незаурядной революцион-

ной личности. Именно таков герой гражданской войны Ковтюх. «Он из тех,— писал о Ковтюхе Дмитрий Фурманов,— которым суждено остаться в памяти народной полулегендарными героями. Вокруг его имени уже складываются были и небылицы, его имя присоединяют красные таманцы ко всяким большим событиям...»

Можно сказать, что образ Епифана Ковтюха, нарисованный писателем с любовью, броско и жизненно, и подсказал Дмитрию Фурманову верный художественный путь к созданию чапаевского характера. Опыт работы над «Красным десантом», где изображены реальные герои и реальные события гражданской войны на Кубани, позже помог воссоздать картины боев красноармейских полков с армией Колчака в Поволжье и уральских степях, во всей полноте показать героизм бойцов Чапаевской дивизии, которые, встав под красное знамя большевиков, отправились в бой за социалистическую Родину.

«Мы ушли с вами на фронт три года назад,— обратился Дмитрий Фурманов в июле 1921 года через газету «Рабочий край» к своим землякам—красноармейцам.— Группа за группой, отряд за отрядом во все концы Республики непрерывной чередой направлялись красные батальоны иваново-вознесенских рабочих.

Сколько горя мы с вами видели и ужасов за это время, сколько жертв понесли — дорогих и невозвратимых — трудно передать. Но передать это надо и надо непременно рассказать о том, что в революции и гражданской войне делали наши рабочие...»

Призвав других восславить подвиг героев гражданской войны, Дмитрий Фурманов первый написал правдивую художественную летопись героизма отважных солдат революции.

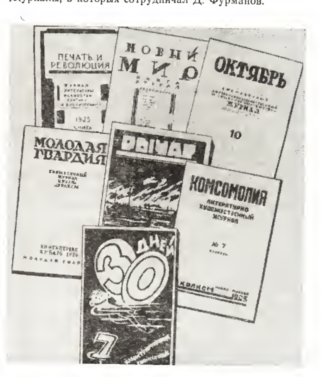
Этим путем шли, работая над созданием образа современного героя, признанные мастера советской литературы, и именно на этом пути достигнуты ими главные творческие победы.

Выдающийся венгерский писатель-коммунист Матэ Залка, долгие годы живший в СССР и друживший с Дмитрием Фурмановым, писал, обращаясь к автору «Чапаева» и «Мятежа»: «По новой, широкой, многоязычной, многотемной социалистической литературной реке плывут многочисленные корабли наших книг под парусами неувядаемой славы. Это лучшие книги нашего времени,

большие, ведущие, эпохальные книги. Они ведут за собой остальные книги, как буксир, тянущий баржи на стальных тросах. Они указывают путь по реке, чтобы авторы не наткнулись на мель и не были бы сбиты с верного пути легкими удачами мелководья повседневности. Одни плывут вверх по реке, другие — вниз. Среди этих ведущих книг есть и твои две книги, Митяй. Их любят, знают и требуют советские читатели».

Книги Дмитрия Фурманова по-прежнему остаются в ряду ведущих произведений литературы социалистического реализма, по-прежнему выводят за собой на стремнину жизни, к большим и славным делам как писателей, берущих равнение на своего литературного флагмана, так и читателей, которым автор «Чапаева» открыл красоту яркой и самобытной человеческой личности, нерасторжимо

Журналы, в которых сотрудничал Д. Фурманов.

спаянной с партией и народом, с настоящим и грядущим днем Советского государства. В образе легендарного вожака революционных крестьянских масс, героя-полководца Василия Чапаева сегодняшний читатель — и прежде всего читатель молодой, беспокойный и ищущий — видит пример для подражания, видит черты настоящего человека нового времени, смелого и честного, бесстрашного борца за интересы трудового народа.

Своим революционным творчеством Дмитрий Фурманов показал пример для всей советской литературы, которая призвана активно способствовать формированию нового, коммунистического в характере советского человека и в образе всей нашей жизни. И не случайно сразу после выхода первого издания романа «Чапаев» молодые пролетарские писатели провозгласили своим творческим знаменем, взяли на вооружение новаторский опыт Дмитрия Фурманова. То подлинно советское, социалистическое, что впервые проявилось в его книгах и что он повседневно отстаивал, ведя бой за высокие принципы новой литературы, нашло дальнейшее продолжение и развитие в художественных работах многих советских писателей разных возрастов и различных литературных направлений.

Наша литература уверенно пошла путем, который был указан М. Горьким и по которому в ряду самых первых советских писателей, посвятивших свой талант служению идеям коммунизма, шагал Дмитрий Фурманов.

Приступая к работе над «Чапаевым», Дмитрий Фурманов стремился прежде всего к тому, чтобы как можно реальнее, вернее нарисовать образ легендарного полководца, человека своеобразного и яркого, подчас противоречивого, но неизменного в своей вере в победу революции, в торжество великого ленинского дела. Автору хотелось показать Чапаева в постоянном действии, в поступках, чтобы о нем говорили не его слова, а его дела, его каждодневная боевая работа.

Писатель долго не находил отправной точки для романа, не знал, с чего начать, хотя все мысли в течение многих месяцев, как он сам признавался в дневнике, были поглощены предстоящей работой над повестью, которую он называл «Мой Чапаев».

Разбирая старые фронтовые записи, он по ночам в своей московской квартире постоянно думал о будущей

В. И. Чапаев.

Художник К. Китайка.

книге, которая должна быть самой правдивой, самой художественной из всего того, что он успел написать до этого.

Решение пришло совершенно неожиданно, когда он отдыхал в родных местах, близ города Иваново-Вознесенска. Однажды, идя пешком через лес, он вдруг понял с чего начнет писать, какие главы последуют за первой...

«Ее надо сделать прекрасной,— размышляет он.— Пусть год, пусть два, но ее надо сделать прекрасной. Материала много, настолько много, что жалко даже вбирать его в одну повесть. Впрочем, она обещает быть довольно объемистой. Теперь сижу и много, жадно работаю. Фигуры выплывают, композиция дается по частям, то картинка выплывает из памяти, то отдельное удачное выражение, то заметку вспомню газетную — приобщаю и ее; перебираю в памяти друзей и знакомых, облюбовываю и ставлю иных стержнями — типами; основной характер, таким образом, ясен, а действия, работу, выявление я ему уже дам по обстановке и по ходу повести. Думается, что в процессе творчества многие положения родятся сами собою, без моего предварительного хотения и предвидения. Это при писании встречается очень часто. Работаю с увлечением. На отдельных листочках делаю заметки; то героев перечисляю, то положения — картинки, то темы отмечаю, на которые следует там, в повести, дать диалоги... Увлечен, увлечен, как никогда!»

Замысел книги, ее идейное направление были ясны автору задолго до того, как он приступил к написанию «Чапаева». Фурманов давно решил, рассказывая о Чапаевской дивизии и ее командире, показать партийную работу в боевых частях, сплачивающую революционные ряды, воспитывающую в духе большевизма не только рядовых красноармейцев, но и самого начдива. Эта мысль должна стать главенствующей в книге, повести за собой весь сюжет, подчинить себе все события романа о легендарном полководце Красной Армии.

Особенно большие сомнения испытывал автор, когда стал определять, в какой манере излагать повествование. Полной ясности долго не было. Но он сразу же решил окончательно для себя—не давать натуралистических, или, как он определил, «фотографических», картин быта, а обобщать и типизировать документальный материал, окрашивая его художественно.

«Ни одну форму не могу избрать окончательно,— отчитывается он.— Вчера в Третьей студии говорили про Вс. Иванова, что это не творец, а фотограф... А мне его стиль мил. И я сам, верно, сойду, приду, подойду к этому — все лучше заумничания футуристов... Не выяснил и того, что будет ли кто-нибудь, кроме Чапая, называться действительным именем (Фрунзе и др.). Думаю, что живых не стоит упоминать. Местность, селения хотя и буду называть, но не всегда верно — это, по-моему, не требуется: здесь не география, не история, не точная наука вообще... О, многого не знаю, что будет!» Дневниковые записи тех дней, его письма друзьям заполнены раздумьями о композиции будущей книги, об отборе фактов, документов.

В конце концов, как мы знаем, Дмитрий Фурманов отказался от мысли «Чапая окрестить как-то по-иному» и в то же время не пошел по пути хроникального пересказа исторических событий. Он избрал третий путь — решил писать документально-художественное произведение, где наряду с конкретными героями должны действовать вымышленные персонажи, хотя прообразами их будут бойцы Чапаевской дивизии, хорошо известные автору.

Писатель решил оставить без изменения имена некоторых бойцов и командиров, включенных в действие повести,— Чапаева, Фрунзе, Батурина, Петьки Исаева и других. Это имело принципиальное значение и определило особое отношение автора к этим героям. Автор должен был бережно относиться к фактам их биографии. Малейшая неточность в изображении реальных личностей, даже в описании таких, казалось бы, несущественных деталей, как цвет волос и глаз, рост и возраст,— могла бы подорвать доверие к автору, поколебать читательскую веру в художественную правдивость, достоверность всего повествования.

И мы знаем, с какой тщательностью восстанавливал автор не только конкретную обстановку на фронте в то или иное время, ход боевых действий, но и собирал обширные сведения о каждом действующем в романе реальном человеке. Для этого ему пришлось разыскивать архивные материалы, находить очевидцев и участников описанных сражений, близких друзей и родственников бойцов Чапаевской дивизии, изучать историческую и мемуарную литературу, которая могла бы пролить какой-то

новый свет на ту или иную личность, заинтересовавшую автора, расширить его представления об исторических героях и важнейших сражениях гражданской войны.

Чтобы быть совершенно спокойным за точность, правдивость воспроизводимых в книге боевых эпизодов и человеческих характеров, он читал своим друзьям-чапаевцам отрывки из рукописи. Хотя Фурманов отличался исключительной цепкой, точной памятью, до малейших подробностей знал то, о чем писал, он считал свои знания недостаточными и сверял их с воспоминаниями других людей.

В Чапаеве Дмитрий Фурманов разглядел то характерное, что было присуще многим замечательным героям революционного времени, что делало его фигуру подлинно народной и прекрасной. Отметая все мелкое, ненужное, второстепенное, Дмитрий Фурманов отобрал лишь основное и обязательное, что делало образ Чапаева типическим и сохраняло в нем в то же время человеческие качества, присущие только одному Чапаеву.

Чапаев вышел из самой гущи народных масс, и биография его во многом сходна с биографией других героев гражданской войны, которых революционная эпоха подняла на вершину великих дел, на борьбу за счастье трудового народа.

Родился он 9 февраля 1887 года в семье крестьянина-бедняка в деревне Будайке, близ Чебоксар. С малых лет Вася трудится: двенадцати лет был отдан отцом к купцу в «мальчики», где работал за кусок хлеба, потом за три рубля в месяц служил половым в чайной. Позже вместе с отцом и братьями плотничал, строил дома в приволжских селениях. Когда грянула первая мировая война, Василий Чапаев был призван в армию и отправлен на фронт. Беспредельно храбрый и отважный, смекалистый и находчивый, он с первых дней фронтовой жизни отличался в сражениях. Выполняя боевые задания, Чапаев в полную силу показал свое незаурядное военное дарование, за что получил на войне четыре Георгиевских креста и заслужил высший солдатский чин подпрапорщика. Был несколько раз ранен.

Чапаев вступил в партию большевиков в сентябре 1917 года и сразу активно включился в борьбу за установление Советской власти в Заволжье. Уездный Совет Народных Комиссаров дает ему, командиру революцион-

В. И. Чапаев с женой Пелагеей Захаровной.

ного полка в городе Николаевске, ответственное задание — разогнать контрреволюционное земское собрание, с трибуны которого эсеры призывали к вооруженному сопротивлению Советской власти. Чапаев успешно справился с заданием. Когда городской голова потребовал удалить революционных солдат из зала, Василий Иванович взбежал на сцену и, выхватив шашку, приказал президиуму съезда: «Слушай мою команду! Кто не подчинится мне — застрелю. Президиум съезда объявляю арестованным и приказываю ему оставаться на месте. Всем остальным разойтись!»

Власть в городе перешла в руки Советов. Но в некоторых отдаленных селах уезда контрреволюция подстрекала крестьян на борьбу против большевиков. Николаевский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов избирает Чапаева военным комиссаром. Началось формирование из добровольцев первых красногвардейских отрядов.

Возглавив Первый Николаевский батальон Красной Армии, Чапаев совершает героические рейды по подавлению кулацко-эсеровских восстаний в поволжских селах, помогает крестьянам устанавливать на местах Советскую власть, создавать отряды Красной гвардии.

В феврале 1918 года неподалеку от Николаевска в городе Балакове, где прошла юность Чапаева, вспыхнул кулацкий мятеж. И чапаевский батальон помог подавить контрреволюцию, восстановить порядок, мятежники были разгромлены, но в схватке с врагом погиб родной брат Василия Ивановича — военный комиссар Балакова коммунист Григорий Чапаев. Похороны его вылились в демонстрацию решимости балаковского пролетариата довести революционную борьбу до полной победы. За гробом Григория Чапаева шли в одном строю трудящиеся города и крестьянские красногвардейские отряды из Николаевска и Сулака, принимавшие участие в подавлении мятежа. Василий Чапаев дал клятву отомстить за смерть брата, очистить родную заволжскую степь от белогвардейцев. Он призвал рабочих и крестьян записываться в ряды революционной армии. Чапаевский батальон пополнился новыми добровольцами.

Сохранились уникальные кадры кинохроники времен гражданской войны, где запечатлен тот самый момент, когда в Николаевске проходил смотр чапаевских полков.

И мы видим в этих исторических кинокадрах живого Чапаева — энергичного, порывистого, нерасторжимо спаянного с революционной народной массой, бесстрашно идущей на смертный бой с врагом.

Отсюда из Николаевска, который был затем переименован Чапаевым в город Пугачев, Чапаев со своей дивизией много раз ходил в походы на Уральск, на белоказачьи и белогвардейские войска. Первый раз это было весной 1918 года. Белоказачьи атаманы разогнали тогда революционный Уральский Совет, к власти пришли царские офицеры и представители буржуазии. Узнав об этом, Чапаев собрал в Николаевске крестьянские полки партизан-добровольцев и повел их в сторону станицы Семиглавый Мар. Там находился опорный пункт неприятеля, ударные части белоказаков — пехота и кавалерия. Из донесений разведки выяснилось, что враг намерен заманить красногвардейцев поближе к станице и потом окружить. И тогда Василий Иванович придумал план, благодаря которому в окружение попали не чапаевцы, а сами белоказаки. По горным ущельям красные конники незаметно подкрались к станице и ринулись в атаку. Белоказаки ждали чапаевцев у железнодорожной линии, а они нагрянули с противоположной стороны. Пришлось врагу без боя оставить занятые позиции. А Чапаев с отрядами двинулся дальше, к городу Уральску, освобождая от белоказаков станицы и села.

Во время одного из походов разведчики привели к Чапаеву пленных офицеров гусарского полка. У старшего офицера обнаружили секретный пакет Колчака с подробным планом захвата города Бузулука и дальнейших действий колчаковской армии. Эти ценные сведения помогли Фрунзе и Чапаеву составить боевой план разгрома белой армии. Понимая, что одним ударом дивизии с белогвардейцами не справиться, Чапаев стал окружать колчаковскую армию по частям: сначала устроил ловушку врагу в одном месте, потом — в другом, в третьем... Завершив с победой военные операции, Чапаев нанес непоправимый урон вражеским силам.

Жалкие остатки колчаковских полков отступили за реку Белую, к Уфе. Здесь Колчак решил собраться с силами. К Уфе шли подкрепления, стягивались отборные офицерские части. Укрепившись на правом гористом берегу, неприятель оцепил подступы к окопам колючей про-

Переправа через реку Белую. Сражение за Уфу. 1919 год.

волокой, вырыл блиндажи, установил броневики, пушки, пулеметы. Красная Армия получила приказ В. И. Ленина — во что бы то ни стало отвоевать Уфу, до начала зимы освободить Урал. Чапаевцы поклялись выполнить ленинский приказ, нанести сокрушительный удар по колчаковцам. Необходимо было как можно скорее перебраться на другой берег. Чтобы отвлечь внимание противника, Чапаев распорядился вдали от переправы начать стрельбу и пустить вниз по течению старую пустую баржу. Белые сразу же ее заметили. Решили, что это чапаевцы переправляются, и стали обстреливать баржу из пушек. А чапаевцы тем временем на захваченных пароходах, на лодках и плотах высадились в другом месте. Их заметили лишь тогда, когда пароходы вернулись назад, за новыми отрядами бойцов. Белогвардейцы перестали стрелять по пустой барже и весь огонь перенесли на переправу. Но было уже поздно... За блестящую победу в Уфимском сражении все девять чапаевских полков и кавалерийский дивизион были награждены почетными знаменами революции, а отважный начдив Чапаев за свои боевые подвиги приказом РВС республики в июле 1919 года был награжден орденом Красного Знамени...

Закончилась гражданская война, и боевой друг Чапаева, комиссар Чапаевской дивизии Дмитрий Фурманов, написал книгу о легендарном начдиве, выдающемся со-

ветском военачальнике, которому было доверено командовать самой могучей силой — армией трудового народа. В книге в яркой художественной форме показаны последние месяцы боевого пути дивизии, создан яркий полнокровный образ полководца новой, революционной эпохи. Проникнутый дыханием героических дней гражданской войны, роман «Чапаев» правдиво и страстно воссоздает картину сражений за власть Советов, живой самобытный характер верного солдата революции. Читаешь роман и тебя ни на миг не оставляет такое чувство, будто ты сам являешься участником описанных событий, сам идешь в бой под водительством прославленного полководца.

Почему писатель решил сохранить в книге и настоящее чапаевское имя и настоящий чапаевский характер? Почему он, идя от конкретного к общему, избрал не путь художественного вымысла, а путь художественного обобщения, типизации характеров реальных людей и реальных фактов периода гражданской войны?

Тут дело не только в том, что Василий Иванович Чапаев сам по себе представлял незаурядную, героическую личность, был талантливым сыном трудового народа, беззаветным солдатом революции. Такого Чапаева Фурманов узнал и полюбил в дни боевой дружбы. Тут дело еще и в том, что для Дмитрия Фурманова, политического комиссара Чапаевской дивизии, было очень важно в неизменном виде сохранить для потомков удивительный по красоте и силе чапаевский образ, оставить в литературе его достоверный художественный портрет, увековечить таким образом славное чапаевское имя, внесенное в золотую летопись истории гражданской войны, истории Советского государства. Такую цель он поставил перед собой, и выполнение ее считал своим гражданским, партийным долгом перед боевыми товарищами чапаевцами, перед памятью Чапаева, перед его детьми и внуками, перед будущими поколениями строителей коммунистического общества. И Дмитрий Фурманов с честью исполнил свой долг, создав произведение, которое донесло до нас живой, немеркнущий образ легендарного начдива.

Известно, что конкретный исторический характер, воссозданный средствами высокого писательского искусства, играет особую воспитательную роль, воздействует на ум и сердце читателя с неотразимой силой, побуждая следовать за героем, учиться у него.

В каждом произведении молодой читатель мечтает встретить героя полнокровного, убедительного. Только такой персонаж и может взволновать, пробудить к себе интерес и симпатии. А если этот литературный герой к тому же оказывается еще и героем, взятым из действительности, то покоряющая его сила утраивается.

Выбирая имя для героя романа, Дмитрий Фурманов, на наш взгляд, и в этом отношении поступил очень правильно, указав читателю реального героя. Ведь если подвиги, описанные в романе, были совершены «по правде», и автор не придумал своего героя, то возникает вполне закономерная уверенность, что и ты, читатель, сможешь сделать нечто похожее, выдающееся, если воспитаешь в себе человеческие качества, присущие любимому литературному персонажу.

Но, смело введя в число действующих лиц подлинного героя, автор сомневался, показать ли Чапаева «идеальным» человеком или дать его со всеми срывами, ошибками. Не снизит ли это образ полководца гражданской войны, не заслонит ли в нем то лучшее, героическое, что является основополагающим в его облике?

Дмитрий Фурманов понимал, что слащавая идеализация героя может приглушить революционную сущность Чапаева, сделает его бескровным персонажем, бессильным увлечь за собой читателя. И он решает писать живого, реального Чапаева со всеми сложностями его горячей натуры.

«Происходит борьба с материалом,— записывает он в дневнике, разбирая свои записи о Чапаеве,—что использовать, что оставить? В творчестве четыре момента... 1. Восторженный порыв. 2. Момент концепции и прояснения. 3. Черновой набросок. 4. Отделка начисто. Если это так, я — во втором пункте, так сказать, «завяз в концепции». Встаю — думаю про Чапаева, ложусь — все о нем же, сижу, хожу, лежу,— каждую минуту, если не занят срочным, другим, только про него, про него... Поглощен. Но все еще полон трепета. Наметил главы и к ним подшиваю к каждой соответственный материал, группирую его, припоминаю, собираю заново».

Но вот образ главного героя окончательно определился, концепция ясна, и Фурманов увлеченно, беспокойно, веря и не веря в успех задуманной книги, начинает писать главу за главой как наметил в плане.

Уже в ходе написания романа приходят на ум новые мысли, новые соображения о дальнейшей доработке рукописи. Судя по дневниковым записям, Фурманов стремится не просто дать портреты Чапаева и его сподвижников по борьбе, но и поставить проблемы, актуальные для современной политической жизни.

Не случайно он решает непременно ввести в произведение в качестве героев представителей крестьянства. 20-е годы, когда создавался «Чапаев», были ознаменованы для Советского государства завершением гражданской войны, переходом к мирному труду, к восстановлению разрушенного хозяйства. Укреплялся союз рабочих и крестьян. Крестьянский вопрос тогда стоял особенно остро.

Д. А. Фурманов и раненый В. И. Чапаев среди командиров и комиссаров 25-й дивизии после взятия Уфы. 1919 год.

Писатель рисует боевую спайку трудящихся масс города и деревни, рост революционного сознания крестьянства под влиянием большевиков и иваново-вознесенских рабочих, прослеживает постепенное, непреодолимое движение сельской бедноты в сторону социализма, к пониманию авангардной роли пролетариата в борьбе за торжество новой жизни.

Имеет немаловажное актуальное значение и тот факт, что писатель поставил перед собой задачу широко показать жизнь бойцов Красной Армии, выходцев из рабоче-крестьянской среды. Он, как известно, мечтал выпустить роман к пятой годовщине Красной Армии, и рассказ о подвигах красноармейцев на фронтах гражданской войны послужил бы добрым примером для молодых бойцов Красной Армии, наследников боевой славы своих отцов — солдат революции.

Важнейшей его заботой по-прежнему остается образ Чапаева, на который возлагается художественная задача — объединить, сцементировать в единое целое все главы, все эпизоды романа. «Уже совсем немного осталось,— сообщает он, работая над последними страницами произведения, — совсем немного — едва ли не только лбищенская драма, но и она ведь сплошь пойдет по готовым материалам, она уже описана неоднократно, останется кое-что изменить, дополнить, лица, даты и названия другие, поскольку не все фигурируют под своими именами. Так стал торопиться, что некоторые сцены решил даже пока не включать, например сцены, происходившие между женщинами-красноармейками и уральскими казачками. Выпадет потом место — можно будет включить, а не хватит — пожалуй что, и не надо вовсе. Так ставлю вопрос. А все потому, что хочется, невтерпеж, остов построить, а уже потом, по этому стержню, перевивать все, что будет целесообразно и интересно. Впрочем, здесь имеется одно обстоятельство, которое не процесса творчества касается, а самого Чапаева, и потому именно, что неясен вопрос: от себя его писать, в первом лице, или же в третьем. Дать ли точно цифры, даты и факты, или же и этого не потребуется. Не знаю, не знаю... Поэтому тороплюсь, хочу все закончить как-нибудь, вообще, и тогда уже виднее будет — как же лучше, как вернее, художественно законченнее. И вот открылась гонка, картина полетела за картиной, часто, может быть, и не к месту, без должной свя-

зи — про обработку, хотя бы приблизительную, и говорить не приходится: обработки нет никакой... Удивительно это психологическое состояние пишущего, когда он идет к концу».

Потом, приступив к окончательной обработке материала, он выбросил все лишнее, необязательное, усилил идейное звучание романа за счет включения более важных картин боевой жизни, путем показа массового героизма участников гражданской войны. Он искал наиболее точный художественный прием, который позволил бы правдиво и ярко изобразить большой красноармейский коллектив, вступающий в борьбу с врагом как сплоченный и цельный организм.

И тут на помощь ему пришел прежний литературный опыт. Еще в раннем своем очерке «Талка» он сделал попытку показать единство революционных рабочих, возмущенных царскими порядками. Не выделяя в бурлящей негодованием толпе отдельных лиц, Фурманов тогда старался отразить общий душевный настрой коллектива рабочих, объединенных одним порывом, единым гулким выкриком,— «толпа снялась, как с якоря огромный пароход,—забила лопастями, заухала, расплескалась звонкими вскриками, выравняла путь и вперила в ворота прямой, непоколебимой взор». И в «Чапаеве» автор стремился передать движение толпы столь же образно и эмоционально: толпа «ворочалась, гудела, волновалась, словно огромный шерстистый зверь». Но в этот раз из толпы автор выделил некоторых наиболее ярких выразителей рабочего мнения, рабочего настроения, дал им лаконичные, запоминающиеся характеристики.

К подобным описаниям народного скопления он прибегал прежде и в повести «В восемнадцатом году», где давались картины как массового рабочего движения, так и действия отдельных его участников. Каждый из них в повести был занят определенным делом — один устанавливал связь с молодежью, другой критиковал поведение интеллигенции, третий сочинял революционные листовки. Однако психологического проникновения в дела и поступки действующих лиц автор тогда не добился. Герои были поданы однопланово, не имели своей индивидуальности.

В «Чапаеве» Фурманов изобразил ведущих героев всесторонне, глубоко проникнув в их духовный мир. В то же время широкими художественными мазками он нари-

В. И. Чапаев и его боевые командиры
И. С. Кутяков и И. К. Бубенец. 1918 г.

совал коллективный портрет чапаевских бойцов. Он добился, того, что Чапаев и другие командиры и комиссары дивизии в романе выступают как одно целое с красноармейской массой, находятся в дружном единстве с ней. Только таким способом можно было показать борьбу трудового народа, невиданный идейно-нравственный взлет разбуженных революцией народных талантов, становление личности Чапаева, ярчайшего представителя революционных крестьянских масс.

«Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян,— говорил В. И. Ленин в октябре 1919 года.— Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе. ...это — преданнейшие, искреннейшие и способнейшие люди из тех общественных слоев, которые капитализм искусственно держал *внизу,* делал «низшими» слоями, не давал им подняться вверх. А силы, свежести, непосредственности, закаленности, искренности в них *больше,* чем в других» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 235).

Таким народным героем, в котором Великий Октябрь пробудил революционную энергию и политическую активность, развернул блестящий полководческий талант, вывел из низов на большую дорогу жизни, и выступает в романе Василий Иванович Чапаев. Правдиво и многосторонне показывает писатель, как, придавленные прежде гнетом царского самодержавия, раскрываются лучшие человеческие качества его души.

Хотя в романе художественно воспроизводится лишь последние шесть месяцев боевого пути Чапаева, читатель узнает многое и о предшествующей жизни героя, о том, как из среды крестьянства на арену революционной борьбы выдвинулась, снискав себе широчайшую народную любовь, поистине героическая личность, целиком и полностью подчинившая себя интересам революции, интересам Советского государства.

В романе «Чапаев» Дмитрий Фурманов с большой реалистической силой, по-новому, самобытно и талантливо показал взаимоотношение литературного героя с жизнью. Его герой отличается от героя буржуазной литературы, противопоставлявшего себя обществу, прежде всего тем, что неразрывно связан с родным народом, революцион-

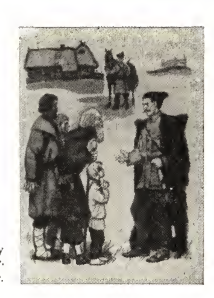

Иллюстрация к роману «Чапаев».
Художник Л. Хайлов.

ным обществом, всеми своими корнями социально и исторически уходит в народные массы, выражает их стремления и чаяния. Это — настоящий революционный герой, творец и защитник новой жизни.

Плоть от плоти трудового народа, Чапаев несет в себе все особенности своей среды, выражает своеобразие русского национального характера, закаленного в труде, в борьбе с нуждой и в сражениях за политические права.

Рисуя своего героя в дни расцвета его личности, Фурманов не забывает при этом подчеркнуть, как трудно складывалась его судьба. Отрывочные сведения о прошлом Чапаева мы черпаем из разговоров, что вел он со своим комиссаром во время бесконечных боевых походов по уральским степям. Годы отрочества и юности както особенно запали в душу Чапаева и сохранились в памяти. О прошлом начдива рассказывают его соратники. Воспоминания эти порою несколько фантастические преувеличены, окрашены сказочной романтичностью. Фурманов подчеркивает, что рассказчикам, свидетелям боевой чапаевской храбрости, было трудно удержаться от восторженного поклонения перед легендарной личностью и они кое-что прибавляли от себя, изображали любимого героя в еще более героическом виде. Да и сам Чапаев,

как заметил Фурманов, не прочь был прихвастнуть «для красного словца». Так появились выдумки относительно его «губернаторского» происхождения и раннего сиротства, рассказ о девушке Насте, с которой он якобы по приволжским городам с шарманкой ходил.

Мрачным, тяжелым было его детство, пришлось голодать и унижаться, по чужим людям мыкаться. «Перво-наперво,— вспоминает Чапаев,— дали свиней пасти — и я практику на них вымыкал: большую скотину сразу не дают. Когда на свиньях наловчился, пастухом сделался настоящим, а из пастухов-то артель меня плотничья взяла, своему делу зачала учить... С ними и работал, по нарядам ходил, а потом из плотников в лавчонку угодил к купцу... Торговать учился, воровать норовился, да не вышло ничего,— очень уж не по душе был мне обман... Купец — он чистым живет обманом, а ежели обмана не будет в купце,— жить ему сразу станет нечем. Вот я тогда это все и понял, а как понял — ничем тут меня не вразумишь: не хочу да не хочу, так и ушел...»

Жизнь открывает подростку глаза на социальную несправедливость, на эксплуататоров-купцов, которые и дня не могут прожить без обмана, без унижения других людей. В душе Чапаева-подростка поднимается злость на всех угнетателей трудового народа, потому что он всех их «на практике» разглядел и твердо-натвердо знает, что отнять у них следственно все, у подлецов, подчистую разделать», чтобы не измывались они над беднотой, не жили чужим трудом.

Работа мальчиком в лавке у купца, которому так и не удалось привить неподатливому пареньку свою частнособственническую науку — «не обманешь — не продашь, не обвесишь — не наживешься», утвердила Чапаева в мысли о том, что богачи сами свои богатства бедным не отдадут, и что придется силой заставить их отказаться от эксплуататорских, античеловеческих принципов, от власти над народом. Уже в ранние годы герой романа протестует против беззакония и несправедливости, против капиталистов и помещиков, с которыми придется ему вступить в решительный бой потом, когда он, красный начдив, поведет в бой красноармейские полки.

Невозможно во всей полноте и конкретности уяснить путь Чапаева к большевикам, к Ленину без этих биографических штрихов, рисующих детство героя.

Несколько лет странствовал он по России в поисках куска хлеба и постоянного заработка, а еще для того, чтобы «по городам народ всякий рассмотреть, да как кто живет — разузнать самолично». Многое повидал, многое узнал Чапаев во время своих странствий, деля с трудовым народом горести и страдания, постигая силу рабочего товарищества. «Да,—вспоминал он,— жисть-то, она всегда такого подбирает — подобрала и меня: царская служба к годам подошла... Коли служба подошла — служить пошел, а служить пошел — война пришла... До самых тех пор и выходу нет из-под ружья. Вот она какая... Всех Георгиев четырех заслужил, унтером сделался, в фельдфебеля вышел, а пуля не берет... Уж раненый был не единожды, а все вот цел да цел... Только одна и жила беда: воевать умел, а грамоты не знаю никакой. И так-то мне тошно, стыдобушка берет, да и зависть погрызла: читают ребята, пишут кругом, а я знать не знаю ничего... Как-то, помню, «серым чертом» прапорщик меня обозвал, а я его как шугану по-русски в три этажа,— зло уж больно взяло... Так все лычки у меня и ободрали, остался я опять на солдатском низу. Зато грамоте тут обучился: читать и писать, все как есть заучил. Дело делом, война врастяжку пошла, а вот и революция подоспела...»

И этот чапаевский рассказ о себе помогает читателю понять, откуда к нему, герою романа, пришла боевая выучка.

Не сразу Чапаев героем стал, пришлось в жарких сражениях постигать воинскую науку, сокрушать врага храбростью и боевой сметкой.

С русско-германского фронта, где ему не раз приходилось вступать в конфликт с надменными царскими служаками, принес он ненависть к белому офицерству, презрительно смотревшему на «серого», безграмотного солдата. Еще зорче, острее стало его социальное зрение, крепче, злее ненависть к самодержавию.

Незадолго до Октябрьской революции, в сентябре 1917 года свой отряд «против Керенского сам обернул», поднял солдат против временного правительства. «Тогда меня, голубчика,— говорит он,— разжаловали, в Пугачев отправили, командиром роты назначили. А времена ведь какие тогда? В Пугачеве совнарком был свой, и председатель этого совнаркома был парень — ну, одним словом настоящий... Я ему што-то полюбился, видать, да

и мне по сердцу! Как послушаю, аж самому охота умным жить. Он-то меня, совнаркомщик, и стал выучивать и просвещать. С тех пор уж все я по-другому разумею».

Революцию Чапаев встретил восторженно. Она указала ему ясный и прямой путь дальнейшей жизни — путь борьбы с белогвардейщиной, с врагами новой, рабоче-крестьянской власти. Революция помогла ему в полную силу послужить трудовому народу, во всю широту развернуть свое полководческое дарование.

Всего несколько страниц отведено в книге дореволюционной биографии Чапаева, но без них, этих страниц, мы не узнали бы, как рос и мужал, постигая грамоту революции и создавая первые отряды красногвардейцев, легендарный герой гражданской войны. «Биография как будто самая рядовая,— пишет Фурманов,— нет в ней ничего замечательного, а в то же время — присмотритесь: всеми обстоятельствами, всей нуждой и событиями личной жизни он толкаем был на недовольство и протест». И далее добавляет: «Что у Чапаева за жизнь была после Октября — об этом сведений одинаковых нет: слишком красочна была эта полоса. Он, как вихрь, метался по степи. Его сегодня видели в одном селе, а назавтра — за сотню верст в стороне... Казаки трепетали от одного имени Чапаева, избегали вступать с ним в бой,— так были околдованы его постоянными успехами, победами, молодецкими налетами».

Эта характеристика, содержащая высокую оценку чапаевских действий еще до того, как он стал начальником 25-й дивизии, имеет принципиальное значение, заставляет взглянуть на главного героя фурмановского романа несколько иначе. Отдельные критики и читатели полагают, что Чапаев лишь после встречи с комиссаром Клычковым и под его непосредственным влиянием стал сознательным бойцом революции. Если встать на эту точку зрения, то можно подумать, что вся предшествующая жизнь Чапаева сплошь и рядом состояла из стихийных и отчаянных партизанских действий, что чуть ли не все прежние высказывания и поступки Чапаева были анархическими, неосознанными.

Такое мнение о Чапаеве в корне расходится с мнением Дмитрия Фурманова, автора романа, с мнением комиссара Федора Клычкова — литературного героя. «Было и у Федора время,— говорится в романе,— когда он готов

Иллюстрация к роману «Чапаев».
Художник Б. Ливанов.

был ставить Чапаева на одну полку с Григорьевым и «батькой Махно», а потом разуверился, понял свою ошибку, понял, что мнение это скроил слишком поспешно, в раздражении, бессознательно... Чапаев никогда не мог изменить Советской власти, но поведение его, горячечная брань по щекотливым вопросам — все это человека, мало знавшего, могло навести на сомнения».

Ставя Чапаева в центр своей книги, Дмитрий Фурманов исходил из твердого убеждения, что его герой «полнее многих в себе воплотил сырую и геройскую массу «своих» бойцов. В тон им пришелся своими поступками. Обладал качеством этой массы, особенно ею ценимыми и чтимыми... Чапаев живет и будет долго-долго жить в народной молве, ибо он — коренной сын этой среды и к тому же удивительно сочетавший в себе то, что было разбросано по другим индивидуальностям его соратников, по другим характерам».

То, что Чапаев — сын революционной крестьянской среды, глубоко уважаемый и ценимый этой средой, мы в романе узнаем задолго до первой встречи Федора Клычкова с ним, задолго до того, как автор нарисует его портрет, покажет начдива в боевой обстановке, в кругу своих друзей и соратников. Узнаем от случайного человека, от

возчика Гриши, бывшего чапаевца, раненного на фронте и потому оставившего воинскую службу. Словоохотливый Гриша, отвечая на вопрос Клычкова о Чапаеве, высказывает, по сути дела, мнение народной молвы: «Да ведь што же сказать? Одним словом — герой!.. Сидишь, положим, на возу, а ребята сдалька завидят: «Чапаев идет, Чапаев идет...» Так уж на дню его, кажись, десять раз видишь, а все охота посмотреть: такой, брат, человек! И поползешь это с возу-то, глядишь словно будто на чудо какое. А он усы, идет сюда да туда, расправляет,— любил усы-то, все расчесывался.

— Сидишь — говорит.

— Сижу, мол, товарищ Чапаев.

— Ну, сиди,— и пройдет. Больше и слов от него никаких не надо, а сказал — и будто радость тебе делается новая. Вот что значит настоящий человек!»

Гриша искренне убежден в чудодейственной, сказочной силе Чапаева, в его способности вызволить бедняка из нужды, прийти на помощь попавшим в беду, спасти рабочий отряд от белогвардейских карателей. Потому и шел трудовой народ — бурлаки, батраки, беднота деревенская — в его краснопартизанский полк. Сформированный из добровольцев, полк этот, как утверждал Гриша, «все больше отрядом звали, он и сам, Чапаев, полком-то не любил прозывать: отряд, говорит, да отряд, это больше к делу идет». И еще одну особенность в Чапаеве подметил Гриша — умение держать строгую дисциплину в полку, не давать пощады нарушителям и разгильдяям, зато «уважал твердого человека, што бы он ему ни сделал: «Молодец,— говорит,— коли дух имеешь смелый...»

Фурманов неспроста начинает повествование о Чапаеве с заочного знакомства с ним, с народной молвы о герое-командире. Писателю важно раскрыть для читателя этот образ с разных сторон. Интересно показать, что говорят о своем командире рядовые бойцы и каков он на самом деле, в повседневной действительности.

Весь сюжет романа движется—от легенды к реальности, от сказочного образа к конкрстной личности. Такое построение романа держит читателя в напряжении, вызывает желание самому разобраться, что за человек Чапаев, соответствует ли он народному представлению о полководце. Читатель постигает реальную сущность чапаевской личности не сразу, а постепенно. Последовательно,

от эпизода к эпизоду познает особенности чапаевской натуры и Федор Клычков. Комиссар с пристальным вниманием наблюдает за начдивом, видит разного Чапаева и относится к нему соответственно по-разному.

Вот первое его мнение о Чапаеве, возникшее под влиянием рассказа возчика Гриши. «Это несомненно народный герой,— рассуждал он,— герой из лагеря вольницы — Емельки Пугачева, Стеньки Разина, Ермака Тимофеевича... Те в свое время свои дела делали, а этому другое время дано — он и дела творит не те. По рассказам Гриши можно заключить, что у него, Чапаева, удаль и молодечество — главные в характере черты. Он больше именно герой, чем борец, больше страстный любитель приключений, чем сознательный революционер. В нем преобладают, по-видимому, и возбуждены до чрезмерности элементы беспокойства, жажды к смене впечатлений. Но какая это оригинальная личность на фоне крестьянского повстанчества, какая самобытная, яркая, колоритная фигура!»

Еще не повидав Чапаева, Клычков рисует его портрет, если так можно сказать, «с чужого голоса», по высказываниям других людей, знавших Чапаева лично, любивших его беззаветно. И хотя кое-где Клычков по-своему трактует их рассказы, по-своему осмысливает чапаевский характер, но в общем-то образ Чапаева окрашен яркими красками легендарности. Федор верит в героическую исключительность Чапаева. И эта его оценка зиждется на народной молве о герое, в основном и главном соответствует ей.

Читатель тоже настраивается на эту волну преклонения перед удивительной, колоритной личностью. Читателю близки и понятны переживания Клычкова, который «обмер» от счастья, «не поверил даже сразу», когда читал и перечитывал телеграмму о своем новом назначении возглавить политическую работу в группе войск, где начальником Чапаев. «Ударило вдруг в виски, задрожала толчками кровь, он сразу слова не мог сказать от волнения» — так передает автор его возбужденное состояние. Клычков радуется, как ребенок: «С таким героем... с Чапаевым плечом к плечу... как это удивительно все сложилось... Что-то выходит диковинное: то я мечтал о Чапаеве как о легендарной личности, то вдруг с ним вместе, совсем рядом, запросто, как теперь вот с Андреевым... Мо-

жет быть, даже и близко подойдем друг к другу, товарищами станем?.. Ух, интересно, черт возьми,—вот сложилось!»

Мысли Клычкова об одном — скорее, как можно скорее увидеть Чапаева, и он раньше времени отправляется в Уральск, чтобы встретиться с человеком, о котором так много слышал хорошего, которого считает легендарной личностью. Фурманов психологически очень точно передает душевный подъем Клычкова, его горячее нетерпение быть рядом с Чапаевым.

И вот происходит эта незабываемая встреча. А вечером Клычков по свежим впечатлениям записывает в дневнике свое мнение о Чапаеве: «Обыкновенный человек, сухощавый, среднего роста, видимо, небольшой силы, с тонкими, почти женскими руками; жидкие темно-русые волосы прилипли косичками ко лбу; короткий нервный нос, тонкие брови в цепочку, тонкие губы, блестящие чистые зубы, бритый начисто подбородок, пышные фельдфебельские усы. Глаза... светло-синие, почти зеленые — быстрые, умные, немигающие. Лицо матовое, свежее, чистое, без прыщиков, без морщин. Одет в защитного цвета френч, синие брюки, на ногах оленьи сапоги. Шапку с красным околышем держит в руке, на плечах ремни, сбоку револьвер. Серебряная шашка вместе с зеленой поддевкой брошена на сундук...»

Если судить по записи в дневнике, можно предположить, что Чапаев разочаровал Клычкова, предстал перед ним не таким, каким он его представлял. Думал, что легендарный Чапаев—богатырь, а он «обыкновенный человек». Думал, что ему под силу любая ноша, а он — «с тонкими, почти женскими руками». А тут еще «жидкие русые волосы... косичками» и «фельдфебельские усы». Холодная, сухая характеристика. Без малейших эмоций! Неужели с первого же взгляда померк в глазах Клычкова легендарный Чапай? Неужели народная молва обманула его, и Чапаев — придуманный герой?

Не будем спешить с выводами. Обратимся лучше к роману. Вслед за описанием внешнего облика Чапаева писатель дает подробную картину их встречи, и мы видим, что отношение Клычкова к Чапаеву не однозначно.

Клычкову по душе демократизм командира, его единство с красноармейской массой: «Попробовали бы разобрать, кто у них тут начальник, кто подчиненный. Даже намеков нет... Их свела, спаяла кочевая, боевая, полная

Иллюстрация к роману «Чапаев».
Художник Б. Ливанов.

опасностей, верная, неизменная солидарность, взаимная выручка, — вся многотрудная и красочная жизнь, проведенная вместе, плечом к плечу, в строю, в бою».

Разглядывая дружную семью чапаевцев, Клычков отдает должное командиру: «Чапаев выделялся. У него было нечто от культуры, он не выглядел столь примитивным, не держался так, как все: словно конь степной сам себя в узде крепил. Отношение к нему было тоже несколько особенное... Пока общаются меж собою — полная непринужденность; могут и ляпнуть, что на ум взбредет, и двинуть друг в друга шапкой, ложкой, сапогом, плеснуть, положим, кипяточком из стакана. Но лишь встретился на пути Чапаев — этих вольностей с ним уже нет. Не из боязни, не оттого, что неравен, а из особенного уважения: хоть и наш, дескать, он, а совершенно особенный, и со всеми равнять его не рука... Так любили и так уважали».

С глубочайшим вниманием присматривался Клычков к народному герою Чапаеву. Комиссар ни на минуту не сомневается в том, что Чапаев — настоящий герой, храбрый и умелый командир, олицетворяющий собою народное начало — неудержимое, стихийное, гневное и протестующее. Чем ближе узнает Клычков начдива, чем дружественнее становятся их отношения, тем яснее, опреде-

леннее воспринимает он Чапаева. Это восприятие лишено прежнего сказочного преувеличения о народном герое — былинном богатыре или могучем, волевом предводителе крестьянской вольницы. Чапаев в глазах Клычкова обретает реалистический облик.

В этом Чапаеве далеко не все устраивало Клычкова. Особенно настораживали резкие, подчас опрометчивые решения и действия начдива, недостаточная политическая зрелость и излишняя горячность натуры. Но при всем этом Чапаев — живой, настоящий, без ореола легендарности — не утратил своей исключительности, красоты и самобытности, притягательной силы.

Клычков, подчас споря с Чапаевым и осуждая его отдельные поступки, искренне и преданно любил начдива. «В нем собрались и отразились, как в зеркале,— читаем мы в романе о Чапаеве,— основные свойства полупартизанских войск той поры — с беспредельной удалью, решительностью и выносливостью, с неизбежной жестокостью и суровым нравом. Бойцы считали его олицетворением героизма... самим собою — любимой и высокоавторитетной личностью — он связывал, сливал воедино *свою* дивизию, вдохновлял ее героическим духом и страстным рвением вперед, вдохновлял ее на победы, развивал и укреплял среди бойцов героические традиции, и эти традиции— например, «Не отступать!»— были священными для бойцов. Какие-нибудь разинцы, пугачевцы, домашкинцы, храня эти боевые традиции, выносили невероятные трудности, принимали, выдерживали и в победу превращали невозможные бои, но назад не шли: отступать полку Стеньки Разина — это значило опозорить невозвратно свое боевое героическое имя!» И далее: «Они, чапаевцы, считали себя счастливыми уже потому, что были соучастниками Чапаева (не испугаемся слова «героизм»,— оно имеет все права на существование, только надо знать, что это за права); озарявшие его лучи славы отблесками падали и на них».

Полководческий талант Чапаева был направлен — и это подчеркивается в романе — на защиту интересов трудящихся, на разгром контрреволюции. Несмотря на недостаточную политическую подготовку, он был убежденным революционером, без колебаний выполнял ленинские указания, глубоко верил в победу трудового народа. «Верить надо, ребята,— говорил Чапаев своим бойцам,—

што дело хорошо пойдет, что главней всего... А не веришь когда, што победишь, так и не ходи лучше...»

Своей стремительной волей, незаурядным искусством дальновидного военного стратега и тактика он сливал дивизию в едином порыве для нанесения сокрушительного удара по врагу, заражал бойцов одной мыслью, одним стремлением — к победе и только к победе!

Готовясь к боевым операциям, руководя сражениями, он неизменно выступал и как политический организатор, разъясняя бойцам, почему и во имя чего они сражаются, какую замечательную жизнь создадут на земле, отстояв завоевания Октября.

Чапаев нередко выступал с пламенными речами перед воинами дивизии, призывая солдатские массы верой и правдой служить революции, шагать без страха и сомнения в ногу с революцией. И правдивое слово его всегда вызывало энтузиазм в красноармейских рядах, звало на бой, на подвиг. «Чапаев держал в руках,— пишет Дмитрий Фурманов,— коллективную душу огромной массы и заставлял ее мыслить и чувствовать так, как мыслил и чувствовал сам». Как командир он требовал от подчиненных беспрекословного выполнения боевого приказа, строго спрашивал с тех, кто нарушал дисциплину. Он был требователен к себе и к другим. «Чапаев шутить не любит,— внушал он,— пока будут слушать — и я товарищ, а нет дисциплины — на меня не обижайся».

Дмитрий Фурманов, рисуя боевые действия дивизии, неоднократно напоминает читателю о том, что победы чапаевцев не случайны, что успех боя во многом был предопределен умением и опытом талантливого начдива.

Чапаев не только своим характером, страстным и самобытным, был резко индивидуален, но и полководческое дарование его отличалось ярким своеобразием. В нем воплощены черты полководца, нового, советского типа, каких прежде не было и быть не могло. Вот мы видим Чапаева склоненным над картой. Намечая действия частей, он то и дело справляется у своих боевых товарищей о расстояниях, о трудностях пути, о питании бойцов, о воде, об обозах, об утренней полутьме, о степных буранах. Он хорошо понимает, что в бою каждая мелочь важна, потому-то и готовится так тщательно к сражению, учитывая и рельеф местности и погодные условия, выискивая самые лучшие варианты расположения частей. «Можно

было в восторг прийти от чапаевской предусмотрительности и точности выкладок, которые он тут делал,— высказывается о его стратегических способностях Фурманов. — Способность учитывать малейшие обстоятельства — его особенная, характерная черта... Учитывал быстроту движения измученных, почти разутых и нездоровых бойцов, количество и быстроту подвоза патронов, снарядов, хлеба; отсутствие воды, встречи с населением или полный его уход; серьезность и объем проделанной разведывательной работы, готовность казаков к встрече; усилия, на которые способна бригада Сизова; расхождения в стороны дорог и быстроту движения по бездорожным лугам... Все, решительно все прикидывал и выверял Чапаев».

Для Чапаева карта — не просто чертеж местности, а живая картина предстоящего сражения, в которой он видит все, что должен видеть командир на поле боя. Писатель великолепно передает эту особенность Чапаева во время подготовки к наступлению на станцию Сломихинскую: «Перед взором Чапаева по тонким линиям карты развертывались снежные долины, сожженные поселки, идущие в сумерки цепями и колоннами войска, ползущие обозы, в ушах гудел-свистел холодный утренник-ветер, перед глазами мелькали бугры, колодцы, замерзшие синие речонки, поломанные серые мостики, чахлые кустарники. Чапаев шел в наступление».

Сражения за Сломихинскую, за Уральск, Бугуруслан и Уфу, подробно воспроизведенные в романе,— все это этапы большого и славного пути Чапаевской дивизии. И в каждой из этих боевых побед большая доля участия талантливого полководца, стратега и непосредственного руководителя военных операций, Чапаева. Нити сражения он постоянно держал в своих руках, давал толковые советы и распоряжения по телефону, посылал гонцов с донесениями, всегда имел ясное представление о том, что происходило на поле боя, подбадривал бойцов словом, а когда надо было, то и сам шел в атаку впереди атакующего эскадрона, впереди наступающих цепей.

«— Не робей, не робей, ребята! Не вставать... подпустить — и огонь по команде... Всем на месте... Огонь по команде!!!

Крепкое слово так нужно бойцам в эти последние, решающие мгновения! Они спокойны... Они слышат, они ви-

дят, что Чапаев с ними. И верят, что не будет беды...» Это — об участии Чапаева в Сломихинском бою.

А сколько других сражений с врагом пришлось выдержать Чапаеву, и всегда, в любой боевой обстановке, он — смел и отважен, всегда вместе с бойцами.

Боевая храбрость Чапаева никогда не переходит в бездумную лихость, бесшабашную удаль. Он осторожен в бою, не подставляет напрасно свою грудь под пули врага. Клычков по чапаевским рассказам, да и по рассказам бойцов дивизии, знал о былой безудержной, неосознанной его отваге и теперь, наблюдая за Чапаевым в бою, с радостью отмечал, как по-умному направляет он боевую операцию и как строго, обдуманно ведет себя, подавая пример другим командирам.

В романе правдиво показано, как на смену бессмысленному, стихийному боевому порыву к Чапаеву приходит высокая полководческая осознанность, разумность каждого действия на поле боя. Примечателен один разговор, полушутливый и полусерьезный, происшедший между Чапаевым и Клычковым. Чапаев сказал:

«— Я армию возьму и с армией справлюсь.

— А с фронтом?

— И с фронтом... А что ты думал?

— Да, может быть, и главкомом бы непрочь?

— А то нет, не справлюсь, думаешь? Осмотрюсь, обвыкну — и справлюсь. Я все сделаю, што захочу, понял?

— Что тут не понять.

У Федора уже не было того нехорошего чувства, с которым начал он разговор, не было даже и той насмешливости, с которой ставил он вопрос,— эта уверенность Чапаева в безграничных своих способностях изумила его совершенно серьезно».

Клычков одобряет то, что Чапаев верит в свои силы,— «без веры этой ничего не выйдет», но предостерегает его от излишнего самомнения, от бахвальства.

Роман вселяет в читателя веру в неограниченные творческие возможности Чапаева-полководца. Автор показывает разносторонние стратегические и тактические способности начдива, который «качествами своими умел владеть отлично: порожденный сырой полупартизанской крестьянской массой, он ее наэлектризовывал до отказа, насыщал ее тем содержанием, которого хотела и требовала она сама,— и в центре ставил себя!» Чапаев подчас

слишком много брал на себя. Но брал не ради личной славы, а ради победы общего дела, веря в силу чапаевцев и в свою собственную силу.

В сражении командиру принадлежит центральное место. От его военного таланта, находчивости и умения зависит зачастую исход боя. «...Везде голова нужна,— говорил Чапаев,— ой, как нужна голова! Ведь бывает, што всего одну минуту переждал, и нет тебя, да не одного тебя — сто человек можно загубить...» Начдив взвешивал каждый свой приказ перед боем, потому что от его решения зависела судьба дивизии, жизнь тысяч бойцов.

Чапаев понимал, на какую высоту подняла его партия, и всем сердцем благодарил родную Советскую власть, разбудившую в нем духовные силы, чувства человеческого достоинства и гордости. В беседах с комиссаром он не раз признавался, как много ему хочется сделать, чтобы оправдать это доверие, доказать людям, что, «дескать, не клопты, каналья, а человек настоящий, и хочется жить по-настоящему, как следует».

Чем выше в своей славе поднимался он, тем больше дорожил своим авторитетом в народных массах, тем полнее отдавался борьбе во имя счастья народного, выкладывался до последнего, не щадя себя, собственной жизни. Революция — это было единственное, ради чего он, не задумываясь, мог пожертвовать своей жизнью.

Его думы постоянно заняты заботой о бойцах, об их настроении, о том, чтобы они были сыты и обуты, умеючи вели себя в бою, не лезли бездумно под вражеский обстрел. Он стремился так разместить солдатские цепи, чтобы на нашей стороне человеческих жертв было как можно меньше. «Я, товарищи, не старый генерал...,— говорил он.— Этот генерал, бывало, за триста верст дает приказ взять во што бы то ни стало такую-то вот сопку. Ему говорят, што без артиллерии не дойдешь, што тут в тридцать рядов завита колючая проволока... А он, седой черт, приказ высылает: гимнастику вас учили делать? прыгать умеете? Вот и прыгайте!.. А я не генерал... я с вами сам и навсегда впереди, а если грозит опасность, так первому она падает мне самому... Первая-то пуля мне летит... А душа ведь жизни просит, умирать-то кому же охота?.. Я поэтому и выберу место, чтобы все вы были целы, да самому не погибнуть напрасно... Вот мы как воюем, товарищи...»

С крестьянами-бедняками Чапаев всегда сходился запросто, как равный с равными, не отделял себя от их общих забот, беду и радость делил с ними пополам. Заведут чапаевцы песни — и он запевает, заиграет гармошка плясовую — и он вместе со всеми ударится в пляс. Красные командиры учились у него строить свои отношения с красноармейской массой по-новому, по-советски, на принципах социалистической демократии.

Широкая чапаевская натура, верная солдатскому долгу и слову, данному товарищу, щедрая на шутку, изумляла и восхищала каждого, кто знал его. Особое уважение питал он к людям мужественным, отважным и всем, чем мог, поощрял их боевую храбрость, воодушевлял их на эту храбрость. В этом отношении интересен эпизод с комбригом Сизовым, живо, с юмором описанный в романе: «В штаб бригады приехал Фрунзе, ознакомился быстро с обстановкой, расспросил об успешных последних боях Сизова и тут же, в избушке, набросал благодарственный приказ.

Это еще выше подняло победный дух бойцов, а сам Сизов, подбодренный похвалою, поклялся новыми успехами, новыми победами.

— Ну, коли так,— сказал Чапаев,— клятву зря не давай. Видишь эти горы?—И он из окна указал Сизову куда-то неопределенно вперед, не называя ни места, ни речек, ни селений.— Бери их, и вот тебе честное мое слово: подарю свою серебряную шашку!

— Идет!— засмеялся радостный Сизов».

А через несколько дней, после того, как комбриг великолепно провел военную операцию, пришлось Чапаеву расстаться с любимой шашкой. Вот как об этом рассказывал сам Сизов: Чапаев «подступил ко мне, обнял, поцеловал три раза.

— На вот, бери,— говорит,— завоевал ты ее у меня.

Снял серебряную шашку, перекинул ко мне на плечо, стоит и молчит. А мне его, голого, даже жалко стало,— черную достал свою: на, мол, и меня помни! Ведь когда уж наобещает — слово сдержит, ты сам его знаешь...» Небольшой эпизод, мимолетный, а как много здесь сказано о принципах и характере народного полководца!

Что-то детское, открытое и доверчивое было в Чапаеве, в иных его взглядах и поступках. Требуя от бойцов правдивости и честности, он сам был предельно правдив

и честен, «ко многому разумному и светлому тянулся сознательно» и, вопреки своему самолюбию, которое у него было чрезмерно развито, не боялся признаться в том, в чем он действительно был слаб, чего не знал, чему завидовал.

Особенно остро переживал он свою недостаточную образованность: «....почти неграмотный я вовсе. Только четыре года, как я писать-то научился, а мне ведь тридцать пять годов! Всю жизнь, можно сказать, в темноте ходил».

Завидовал он своему комиссару, который и в университете учился, и в политике глубоко разбирался, книжек разных много прочел. Клычков, сочувствуя Чапаеву, взялся ему помочь. Но в боевой обстановке заниматься грамматикой и алгеброй не было никакой возможности. Дальше разговоров дело не пошло, и Чапаев горько сожалел, что с занятиями придется повременить до лучших времен.

Еще на фронте русско-германской войны он пристрастился к чтению. «Ту войну,— рассказывал он Клычкову,— как грамоте обучился, лежу в окопах и читаю, все читаю... Ребята смеяться начнут: псаломщиком будешь, мол, зачитаешься, а мне и смеху нет. Про Чуркина атамана читал, Разина, Пугачева Емельку, Ермака Тимофеевича, доставал про Гарибальду итальянского, самого Наполеона... Я, знаете, все больше люблю, чтобы воевать человек умел, да и сам бы себя не жалел, коли надо бывает... Тургенева, говорили, хорошие сочинения, да не достал, а у Гоголя все помню, и Чичкина помню... Эх, кабы мне да побольше образоваться — тут по-другому голова б работать стала. А то чего же, как есть темный человек! Был темный, темный и остался...»

Чапаев читал все, что случайно попадало ему в руки. И потому гоголевские «Мертвые души», главного героя которого Чичикова он превратил в Чичкина, соседствовали с бульварной книгой о похождениях атамана Чуркина. Из прочитанных книг он выделял те, которые отвечали его основным интересам,— книги о полководцах и вожаках народных восстаний. В этом тоже сказалась народная натура Чапаева. Увлеченность героическими образами, мужественными и самоотверженными, свойственна русскому народному творчеству. Возможно, что некоторые боевые операции, воспроизведенные в книгах, полюбившихся Чапаеву, он вспомнил потом, в гражданскую вой-

ну, когда встал во главе сражающихся отрядов. Без использования боевого опыта прошлого не обходился, как говорят, ни один мало-мальски известный полководец.

В часы подготовительной работы над картой и во время сражения Дмитрий Фурманов показывает исключительное трудолюбие Чапаева. Он ни минуты не оставался без работы. Боевое дело для него такой же труд, как для крестьянина сенокос или уборка урожая.

Работоспособность его невероятна. Влюбленный в свое дело, он не спит ночи, разгадывая замысел врага и строя свои стратегические планы, осмысливая предстоящие действия каждого взвода, каждой бригады. И в момент напряженных раздумий о предстоящих боевых задачах, о стратегии и тактике, никак не скажешь, что он «был темный, темный и остался». Полководческому дарованию Чапаева мог бы позавидовать высокообразованный генерал. Чапаев в движении, в заботах о людях и об успешном проведении боевых действий: он советуется с командирами, как организовать атаку, выступает перед населением освобожденной деревни, руководит наступлением, беседует с бойцами у костра, смотрит спектакли армейской самодеятельности, выступает со сцены с речью, сочиняет приказы и наказывает мародеров, проверяет часовых на посту и организует переправу через реку... Повествование развивается стремительно, от эпизода к эпизоду, напряженность действия растет. Эпицентр движения — беспокойный и неутомимый Чапаев, это он активизирует бойцов, воодушевляет их.

Образ Чапаева в романе объединяет в единое целое разных людей, разрозненные события. Но даже и тогда, когда главный герой не выступает в том или ином эпизоде, в том или ином сражении, мы неизменно чувствуем его присутствие, его руководящее начало. «Чапаевская дивизия,— сообщает автор,— шла быстро вперед, так быстро, что другие части, отставая по важным и неважным причинам, своею медлительностью разрушали общий единый план комбинированного наступления». В другой раз автор делает такой вывод: «Чапаевская дивизия не знала поражений, и в этом немалая заслуга самого Чапаева». И дальше: «Этот маневр не дал того, чего ждали; затраты были слишком велики — они не соответствовали результатам боев. Чапаев, такой чуткий и глубокий во всех своих действиях, так быстро все улавливавший и ко всему

применявшийся, понял здесь, в степях, что с казаками бороться надо уже не тем оружием, каким боролись недавно с мобилизованными насильно колчаковскими мужиками». Эти сообщения проливают свет на дальнейший ход повествования, дают читателю понять, что в событии, которое описывается, хотя мы и не видим Чапаева, но его полководческая мысль, его участие в подготовке этого события бесспорна и сам он играет не малую роль в том, что происходит. «Вот и не видели бойцы здесь, в бою, Чапаева,— сообщает автор,— а знали, что тут он, что все эти атаки, наступления и отходы, что все это не мимо него совершается. И как бы трудно ни было положение, верили они, что выход будет, что трудное положение минуло, что такие командиры, как Чапаев... не заведут на гибель».

Зато если уж Чапаев появляется в том или ином эпизоде, то тут уж он проявляет свой характер в полную силу. Тут он весь — порыв, решительность, непререкаемый авторитет. Его приказы, четкие, ясные и самые необходимые в этот момент. «В черной шапке с красным околышем, в черной бурке, будто демоновы крылья летевшей по ветру, — из конца в конец носился Чапаев. И все видели, как здесь и там появлялась вдруг и быстро исчезала худенькая фигурка, впаянная в казацкое седло. Он на лету отдавал приказанья, сообщал необходимое, задавал вопросы. И командиры, так хорошо знавшие Чапая, кратко, быстро сообщали нужные сведения — ни слова лишнего, ни мгновения задержки.

— Все пулеметы целы?— бросал на скаку Чапаев.

— Целы! — кричал ему кто-то из цепи.

— Сколько повозок снарядных?

— Шесть...

— Где командир?

— На левом...

Он мчался на левый фланг».

Сколько экспрессии, стремительности в этом описании чапаевских действий! И какая необходимая потребность в каждом его вопросе, обращенном к бойцам и командирам! Быстрый вопрос — быстрый ответ. Ни слова лишнего. Все по существу.

Приблизился к командиру батареи, и снова посыпались конкретные его указания:

«— Бить по мельницам!

— Все пулеметы с мельницы скосить!

— Станицу не трогать, пока не скажу!

И, быстро повернув коня, ускакал обратно к цепям. Чаще, крепче и злей заговорили орудия...

Возбужденный, с горящими глазами мечется Чапаев из конца в конец. Шлет гонцов то к пулеметам, то к снарядам, то к командиру полка, то снова скачет сам, и видят бойцы, как мелькает повсюду его худенькая фигурка. Вот подлетел кавалерист, что-то быстро-быстро ему сказал.

— Где? На левом фланге?—вскрикнул Чапаев.

— На левом.

— Много?

— Так точно...

— Пулеметы на месте?

— Все в порядке... Послал за подмогой...

И он скачет туда, на левый фланг, где грозно сдвинулась опасность. Казаки несутся лавой... Уж близко, видно скачущих коней... Подлетает Чапаев к командиру батальона.

— Ни с места! Всем в цепи... Залпом огонь!»

И здесь чапаевский характер показан через действие в боевой обстановке, в центре сражения. Перед нами — Чапаев-полководец, Чапаев-герой, такой, каким представлен он в народных сказаниях,— удалой, порывистый, бесстрашный, властно отдающий боевые команды.

Хотя автор не забывает всякий раз напомнить читателю о «худенькой фигурке» Чапаева, но, право же, мы не воспринимаем его таковым. Он возвышается над всеми, как великан-богатырь. Мы только его видим, только его и слышим. Выделяя начдива из красноармейской массы, сосредоточивая на нем особое внимание, автор, а вместе с ним и комиссар Клычков как бы любуются им со стороны, восхищаются его действиями, строгостью, умением вовремя дать нужное распоряжение. Нет, не померк в их восприятии легендарный образ полководца!

Романтическо-восторженное отношение чапаевцев к своему начдиву, показанное Фурмановым и в других эпизодах, рисующих Чапая перед боем, в бою, на привале с бойцами, чем-то напоминают рассказы Гришки-возницы и бывалых красногвардейцев, искренне прославлявших Чапаева, которые, как казалось Клычкову, не всегда объективно оценивали начдива: «Его славу, как пух, разносили по степям те сотни и тысячи бойцов, которые тоже

слышали от других, верили этому слышанному, восторгались им, разукрашивали и дополняли от себя и *своим* вымыслом,— несли дальше».

Дмитрий Фурманов, выступая в книге как поборник правды и противник легенд о Чапаеве, однако, не мог не поддаться общему настроению и порою сам романтизирует своего героя, подает его возвышенно.

В книге образ начдива овеян дыханием романтики. Героические дела Чапаева, его победоносные удары по врагу вызывали восторг, и автор воспел его подвиг. Героический романтический пафос борьбы за свободу, за лучшую долю диктовал и романтический метод изображения этих событий, окрылял писателя на создание яркой, богато одаренной личности советского полководца, безбоязненно ведущего полки навстречу превосходящим, до зубов вооруженным силам противника, разбивающего этого противника в пух и прах.

Эту правду — правду героических действий чапаевской дивизии — писатель воспринимал столь же возвышенно, как и народ. Только его романтизм возникал на вполне реальной почве, вытекал из собственных наблюдений, из собственного боевого опыта комиссара дивизии. Он отбрасывал все надуманное, наносное, очищал легенды от искажений, но романтическую их сущность, выражающую восхищение перед подвигом человеческим, не только сохранил, но и подкрепил своими впечатлениями и свидетельствами других участников чапаевских походов.

Романтика образа Чапаева всеми своими корнями уходит в действительность. Она не нуждается в приукрашивании, гиперболизации. Романтика жила в душе Чапаева, и невозможно было бы раскрыть главные свойства его героической натуры, минуя эту ее особенность. В данном случае романтика образа являлась естественным отражением правды характера, человеческих свойств живого Чапаева.

А как же быть с народными легендами о Чапаеве? Ведь неспроста же его и при жизни и по сей день именуют легендарным полководцем. Неужели Фурманов не понимал, что чапаевцы, складывая легенды о своем командире, наделяя его сверхъестественными способностями и богатырским телосложением, стремились тем самым показать революционную силу не одного только Ча-

паева, но и других полководцев гражданской войны, поднятых революцией до сказочных высот, рисовали собирательный образ военачальника новой, советской действительности? И не только героев-полководцев имели они в виду, рисуя легендарного Чапаева. Они, несомненно, видели в его богатырской силе и свою революционную силу. Чапаев для них был воплощением народного героизма, народного характера, который так широко и славно проявил себя в битве с белогвардейцами и интервентами.

Дмитрий Фурманов, конечно, понимал это и высоко ценил народные сказы и легенды о любимом начдиве. Но ведь он писал не роман-легенду, не роман-сказку. Он писал героическую быль о реальном Чапаеве, писал, строго следуя исторической правде, создавая высоко художественный, романтически приподнятый образ.

Отказавшись рисовать своего главного героя только в духе народных легенд, он не отбросил эти легенды. Созданные при жизни Чапаева, они выражали не только народное отношение к герою, но и отражали героическое, легендарное время гражданской войны. И Дмитрий Фурманов включил народные легенды в ткань романа, и они обогатили читательское представление о людях той поры, озарили этическое повествование светом поэзии, романтики, донесли до наших современников легендарный образ, созданный народом, сделали фигуру Чапаева еще более притягательной и по-настоящему народной.

Красноармейские легенды, дополненные достоверным художественным рассказом о жизни и боевой деятельности начдива, помогают нам во всей многогранности представить живой образ Чапаева, узнать не только то, что начдив, как утверждали легенды, «непрерывно носился по фронту с обнаженной занесенной шашкой, сокрушал самолично врагов, кидался в самую кипучую схватру и решал ее исход», но и как много, неустанно работал перед боем, обеспечивая все необходимое для победы, «был хорошим и чутким организатором того времени, в тех обстоятельствах и для той среды, с которой имел он дело, которая его и породила, которая его и вознесла!»

Дмитрий Фурманов видит и утверждает в Чапаеве военачальника подлинно народного — народного и по происхождению, и по образу мышления, и по отношению к людям. Он предстает перед читателем личностью понародному самобытной. В отношениях Чапаева к людям,

в повседневных его заботах о бойцах проявлялось отличное знание своих кадров, органическое единство с рядовыми красноармейцами — без панибратства, без поблажек и корысти. Все это убедительно свидетельствовало о глубоком понимании Чапаевым крестьянской массы.

Свою любовь и веру, свою готовность беззаветно служить интересам народа он выражает не громкими словами, не эффектными клятвами и заверениями. Каждодневной практической деятельностью, конкретным делом, боевым и житейским, он доказывает свою преданность, нерасторжимость с красноармейской массой, с которой он живет одной жизнью, одними стремлениями.

И то, что автор постоянно показывает начдива в кругу его боевых товарищей, наглядно подтверждает кровность, нерушимость, идейно-нравственное единство Чапаева и чапаевцев.

Сливаясь с крестьянской массой, он в то же время не теряется в ней, не становится игрушкой в ее руках.

Чапаевская простота и внимательность в общении с бойцами сочетается со строгим, принципиальным, не допускающим никаких поблажек и вольностей отношением командира-единоначальника к своим подчиненным. Справедливую требовательность к себе бойцы воспринимают как должное, и это усиливает их духовное единство с начдивом.

«От походов, от боевой страды,— говорится в романе,— от окопной напряженной скуки, от полуголодной жизни — с какой охотой и радостью отдыхали бойцы! Потом весь день по изгибам или кочкам на грязных оттаявших улицах, за столом, в конюшне, за семечками — везде только и разговору было, что про веселый митинг-концерт. И в центре всех разговоров-воспоминаний стоит Чапаев: такой-то вот командир и люб бойцам... Сегодня на заре по холодному туманному полю пусть ведет он цепи и колонны на приступ, в атаку, в бой, а вечером под гармошку пусть отчеканивает с ними вместе «камаринского»... Знать, по тем временам и вправду нужен, необходим был такой командир, рожденный крестьянской этой массой, органически воплотивший все ее особенности».

В романе приводятся письма и документы, свидетельствующие об исключительной популярности Чапаева в народных массах. Под его начало с радостью шли слу-

жить и раненые бойцы, не пожелавшие покинуть боевые позиции, и подростки, прибавлявшие к своему возрасту по два-три лишних годка, чтобы остаться в дивизии. Как сообщает автор, «было так, что два совершенно безногих бойца-красноармейца работали в боях на пулеметах. Был слепой, совсем, накругло, ничего решительно не видевший боец».

Письмо этого слепого красноармейца в дивизионную газету цитируется в романе. Согретое горячим, искренним чувством советского патриотизма, любовью к большевикам и Красной Армии, оно волнует до глубины души, вызывает глубокую симпатию к автору. «И такой мученик за советскую власть,— говорится в романе,— слепой красноармеец, чтивший подвиги Чапаева, как святыню, был лучшим повествователем, бандуристом-чапаевцем, рассказывающим были и небылицы, еще больше веривши́м своим небылицам, ибо создавал их сам, разукрашивал сам».

Беспредельной верой во всесильность Чапаева пронизано и письмо новоузенского жителя Тимофея Пантелеймоновича Спичкина, который видит в начдиве не только бесстрашного полководца, но и человека, наделенного чудодейственной способностью распутывать сложнейшие житейские узлы, решать любые государственные вопросы. Он просит Чапаева обратить особое «геройское внимание» на его жалобу и срочно помочь арестовать в Новоузенске 14 воров, направить их в Самару для предания суду Ревтрибунала.

Спичкин твердо убежден, что просьба его будет исполнена, ибо во мнении народном имя Чапаева «славно как самоотверженного героя и стойкого защитника республики и свобод». Хотя письмо это иногда и вызывает усмешку, но в своем беспредельном доверии к Чапаеву Спичкин вполне искренен и, более того, спешит добрым поступком доказать свою преданность: «Будучи от природы человеком кристальной честности,— пишет он о себе,— любя народ, за который отдавал душу (что могу передать вам лично о своих больших подвигах), я желал бы немедленно стать Вашею правою рукою и свою огненную энергию отдать для Вашего военного дела по отражению всеми ненавидимого бандита-Колчака. Прошу Вас немедленно принять меня в ряды Красной Армии добровольцем, в славный Ваш полк по имени Стеньки Разина».

Боевые дела помешали Чапаеву самому разобраться с этим письмом, но он потребовал от местного Совета наказать жуликов по всей строгости.

Как показывает Дмитрий Фурманов в романе, Чапаеву было вообще свойственно чуткое, заботливое отношение к просьбам, идущим от солдат, крестьян, рабочих. Он по первому же сигналу спешил на помощь пострадавшим, брался разбирать вопросы не только военного характера, но и бытового, семейного, охотно давал советы и вмешивался в сложнейшие дела, докапываясь до самой сути, помогал людям избавиться от разных бед и от бесчестных людей, негодяев и шалопаев. Тут он выступал и как справедливейший защитник бедноты и как строгий, нелицеприятный судья, наказывающий зло и беззаконие. И эти его качества борца за правду и справедливость также свидетельствуют о народности чапаевского характера.

«Когда подумаешь,— пишет Дмитрий Фурманов,— обладал ли он, Чапаев, какими-либо особенными, «сверхчеловеческими» качествами, которые дали ему неувядаемую славу «героя»,— видишь, что качества у него были самые обыкновенные, самые «человеческие».

Он защищал человеческие права и свободы, помогал выявлять в людях лучшие их качества, способствовал утверждению высоко человеческих отношений в новой жизни. И делал он это глубоко убежденно. Уж очень ему хотелось, чтобы раз и навсегда было покончено с остатками царской власти, с белыми генералами и чиновниками, чтобы как можно скорее бедняк вышел в люди, занял достойное место в обществе, вытеснив со всех постов царских прислужников. Правда, иной раз поступал он излишне категорично и поспешно, не успев разобраться в человеке и существе дела. Но благородство и бескорыстие побуждений при этом были неизменны. Не о себе думал — о других.

Характерен в этом отношении случай с крестьянином-коновалом, о котором очень живо, с юмором рассказал в романе Дмитрий Фурманов. Чапаев хорошо знал этого деревенского мужика, промышлявшего в прошлом ветеринарным ремеслом, и решил сделать ему приятное — утвердить земляка на законном основании в звании «ветеринарного доктора». С этой целью он вызвал дивизионного врача и комиссара, приказал им в его присутствии

экзаменовать коновала и выдать ему удостоверение ветеринара. Наказав им проводить экзамен по всей строгости, но «чтобы саботажу никакого», Чапаев так объяснил свое неожиданное требование. «Знаем,— говорит,— мы вас, сукиных детей,— ни одному мужику на доктора выйти не даете». Ни комиссар, ни дивизионный врач не имели права проводить экзамен и подписывать документ. Они так и сказали об этом Чапаеву, вызвав его лютое негодование. И лишь после того, как Клычков посоветовал обратиться к командующему армией за советом. Чапаев смирился — имя Фрунзе подействовало на него охлаждающе.

Забавный случай, но и по нему мы можем судить о желании начдива помочь крестьянину. И это было не самодурство. Огромная вера в трудового человека толкнула Чапаева на этот шаг. И пусть в случае этом проявились наивность и легко объяснимое незнание им общеизвестных правил, но действовал Чапаев из самых лучших побуждений, по-своему пытался проявить заботу о человеке.

«Учить надо крестьянина и рабочего теперь же,— многократно говорил Чапаев,— а учить можно только на деле... Я ему приказываю быть начальником штаба,— отказывается, дурак, а сам того не знает, что для него же делаю. Прикажу, поставлю, почихает неделю, а там, смотришь, и заработает, хорошо заработает, никакому офицеру так не сработать!»

Чапаев строго придерживался этого принципа — выдвигать на ответственную работу людей из народа, бойцов, которых он знал.

Не только в случае с коновалом, который так и не получил диплом ветеринара, но и в некоторых других, воспроизведенных в романе, мы наблюдаем, как в чапаевском облике органично уживаются мудрость и наивность, суровость и нежность, риск и осторожность, упрощенный взгляд на некоторые явления жизни.

Роман от первой до последней страницы отличает реалистическая глубина изображения, жизненная правдивость. Дмитрий Фурманов создал характер полнокровный и многогранный. И то, что Чапаев в романе показан всесторонне, со всеми свойствами его сложного характера, с отдельными срывами и недостатками, не снижает читательской симпатии к нему, не лишает его большого чело-

3 Заказ 6144

вечеческого обаяния. Перед нами герой настоящий, в которого невозможно не поверить, которого невозможно не полюбить.

Без такого подхода к художественному отражению действительности невозможно было бы показать образ Чапаева в развитии, нельзя было раскрыть рост его полководческого дарования и политического самосознания.

Автор «Педагогической поэмы» А. Макаренко в статье о романе, высказав мысль о том, что даже в недостатках главного героя книги видна «цельная и прекрасная сила Чапаева, его глубокая и светлая человечность, его неутомимая, мужественная страсть к победе, его широкая, щедрая личность», сказал очень верные слова о легендарном начдиве: «Чапаев не только шашку отдал за победу. Он отдал всего себя: покой, семью, детей, учебу, жизнь. Но он отдал это все не для красоты подвига, не для славы, не для нравственного совершенства. Он отдал все для победы революции, для практической грандиозной цели партии. И отдавал это не в виде подарка людям, отдавал и для себя, для своей жизни, ибо он всегда хотел жить».

Показывая рост организаторских способностей Чапаева, Дмитрий Фурманов пишет в романе: «Он, Чапаев, в 1918 году был отличным бойцом; в 1919 году он уже не славен был как боец, он был героем-организатором».

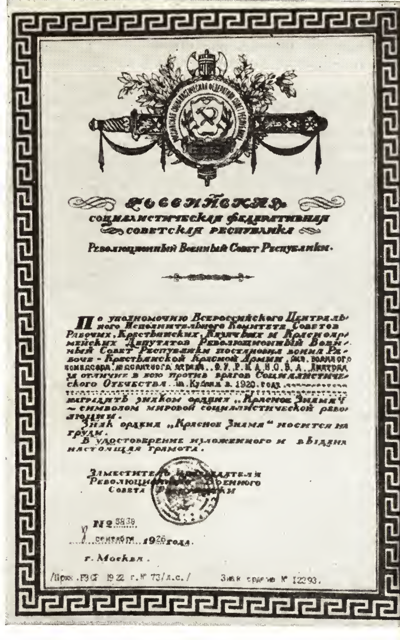
Прошло, казалось бы, совсем немного времени, а сколько добрых перемен произошло в характере и воззрениях начдива, какой стремительный скачок вперед сделал он в своем политическом развитии! А обязан он в этом прежде всего своему боевому комиссару Федору Клычкову.

О комиссарах Красной Армии в резолюции VIII съезда РКП(б) в марте 1919 года сказано: «Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия может с полным удовлетворением оглянуться на героическую работу своих комиссаров, которые рука об руку с лучшими элементами командного состава в короткий срок создали боеспособную армию».

Слова эти целиком и полностью можно отнести к военкому Клычкову. В нем заключена сила высокой коммунистической идейности, сила ленинской партии.

Шесть месяцев провел он на фронте рука об руку с Чапаевым, оказывая на него партийное влияние, утверждая в дивизии крепкую армейскую дисциплину, поднимая боевой дух воинов.

Эту работу он, конечно, вел не один, а в тесном единстве с другими коммунистами, людьми беззаветной храбрости, страстной коммунистической убежденности. «Высочайший авторитет, заслуженный в армии коммунистами,— говорится в романе,— заслужен ими был недаром и нелегко. На все труднейшие дела, во все сложнейшие операции первыми шли и посылались прежде всего коммунисты. Мы знаем случаи, когда из пятнадцати—двадцати человек убитых и раненых в какой-нибудь небольшой, но серьезной схватке половина или три четверти было коммунистов».

Российская
Социалистическая Федеративная
Советская Республика

Революционный Военный Совет Республики.

По уполномочию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов Революционный Военный Совет Республики постановил воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии, [illegible] военного комиссара [illegible] ФУРМАНОВА Д. А. за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества на Кубани в 1920 году

наградить знаком ордена „Красное Знамя" — символом мировой социалистической революции.

Знак ордена „Красное Знамя" носится на груди.

В удостоверение изложенного и выдана настоящая грамота.

Заместитель Председателя
Революционного Военного
Совета Республики

№ 3838

.... сентября 1926 года.

г. Москва.

/Прик. РВС 1922 г. № 73/л.с./ Знак ордена № 12293.

Грамота Реввоенсовета республики о награждении Д. А. Фурманова орденом Красного Знамени.

Рядом с Чапаевым и Клычковым, характеры которых показаны широким планом, мы видим в гуще армейской массы других коммунистов, военачальников и комиссаров, командиров и рядовых бойцов, выписанных хотя и не столь обстоятельно, но с неизменной симпатией, столь же художественно достоверно. Это и Михаил Фрунзе, талантливейший полководец и политический деятель, о котором Дмитрий Фурманов пишет с искренним восхищением, отмечая его высокую идейность и беззаветное мужество, человечность и демократизм, страстную веру в трудовой народ, в победу коммунистических идей. Это и приехавшие вместе с Фрунзе и Клычковым из Иваново-Вознесенска рабочие — Терентий Бочкин, Никита Лопарь, Андреев, которых тесной дружбой связали революционное прошлое и совместная борьба против армии Колчака. Это и комиссар дивизии Павел Степанович Батурин, геройски погибший вместе с Чапаевым в лбищенском бою, комиссар бригады Буров, восхищавший всех своей отвагой и бесстрашием, начальник политотдела дивизии Ежиков, заместитель военкома дивизии Крайнюков, начальник политотдела 4-й армии Тронин... Автор показал большевиков кристальной честности, непоколебимых в своей ленинской убежденности, наделенных не только командирскими навыками, но и умением вести политическую работу, организовывать и сплачивать красноармейскую массу в могучую боевую силу.

Тот факт, что политкомиссар Федор Клычков действует в романе в тесном единении с другими политическими работниками, большевиками-рабочими, помогает читателю полнее почувствовать силу пролетарской, большевистской организованности, широту размаха политической работы в Красной Армии.

Клычков является собирательным, типическим образом военкома гражданской войны. В нем, в его политическом опыте и его биографии, как известно, многое идет от самого автора, комиссара Чапаевской дивизии Дмитрия Фурманова. И это послужило только на пользу роману. Собственная практика политработы в частях Красной Армии позволила писателю создать правдивый, жизненный, убедительный образ комиссара, в котором сконцентрированы наиболее характерные черты отважных солдат революции, лучших армейских партийных руководителей того времени.

Талант политического деятеля, политического организатора и воспитателя полнее всего раскрывается в той работе, которую настойчиво ведет Клычков, осуществляя свое партийное влияние на начальника дивизии Чапаева, на всех бойцов Чапаевской дивизии, сплачивая их вокруг партии, мобилизуя на выполнение важнейших боевых, политических задач, поднимая сознательность крестьянских масс, в которых было еще немало стихийного, бунтарского, полуанархического.

Как вернее всего найти подход к Чапаеву, завоевать его уважение, стать ему другом и советчиком? Вот над чем мучительно думает Клычков. «Федор порешил давно,— сообщает автор,— до встречи с Чапаевым, установить с ним особую, осторожную, тонкую систему отношений: избегать вначале разговоров чисто военных, чтобы не показаться окончательным профаном; повести с ним политические беседы, где Федор будет бесспорно сильнее; вызвать его на откровенность, заставить высказываться по всем пунктам, включительно до интимных, личных особенностей и потребностей; больше говорить о науке, образовании, общем развитии,— и тут Чапаев будет больше слушать, чем говорить. Потом... потом зарекомендовать себя храбрым воином,— это уже непременно и как можно скорее, ибо без этого все в глазах Чапаева, да и всех, пожалуй, красноармейцев, прахом пролетит, никакая политика, наука, личные качества не помогут! Когда будет проведена эта ощупывательная, подготовительная работа и Чапаев пораскроется, будет понятен, тогда можно и на сближение идти, а пока — пока держаться осторожно!»

И Клычков с первого же дня своего знакомства с Чапаевым начинает действовать по этому плану.

Надо сказать, не все у него складывается так, как хотелось бы. Получился досадный срыв в бою под Сломихинской, где Клычков, растерявшись, повел себя далеко не героически. Он глубоко переживал этот свой позор, стремился из всех сил доказать Чапаеву, что он не из трусливого десятка. И доказал — за участие в одной из боевых операций был награжден орденом Красного Знамени. Но первый бой, в котором Федор сплоховал, послужил для него суровым уроком, заставил взять себя в руки, и мы видим, как постепенно в нем вырабатываются черты настоящего бойца Красной Армии — смелость, са-

мообладание, способность быстро разбираться в обстановке.

Два героя все время находятся в центре повествования — Чапаев и Клычков. Напряженно следим мы за развитием их взаимоотношений, за вживанием комиссара в жизнь дивизии, проникновением в судьбы чапаевцев и их начдива.

Если при первом впечатлении Клычкову, который наслышался о партизанских выходках Чапаева, могло показаться, что его поступками движет стихийность и партизанская удаль, то в дальнейшем, по мере вдумчивого изучения чапаевского характера, он убедится, что в военном отношении начдив был опытным и талантливым руководителем, требовал от всех бойцов и командиров строгого соблюдения воинской дисциплины, не допускал расхлябанности, сам был образцом беззаветного служения идеям революции, выполнения воинского долга.

Попробуем сопоставить два мнения, сложившихся у Клычкова о Чапаеве,— в начале их знакомства и через шесть месяцев после совместной боевой деятельности, и мы убедимся, насколько мнения эти противоположны. Комиссар понял, что прежде он ошибался, считая Чапаева чуть ли не анархистом. Чапаев предстал перед ним в другом виде... Это был великолепный организатор масс, истинный народный герой, верный солдат партии.

Чапаев сознательно сражался за власть Советов, но не обладал зоркостью дальновидного политика. Но именно таким должен быть советский военачальник, воспитатель красноармейской массы. В силу слабой политической подготовки начдив допускал подчас неверные, упрощенные толкования идеологических вопросов.

Что же касается особенностей чапаевского характера, то и тут, на взгляд комиссара, далеко не все обстояло благополучно. Чапаев не всегда сдерживал свой крутой нрав, был запальчив.

Клычков, как комиссар, поставил перед собой задачу — помочь начдиву укрепить в нем чувство глубокой личной ответственности не только за успешное завершение той или иной боевой операции, но и за понимание бойцами политической важности, необходимости того дела, которому все они служат.

Пробудить в чапаевской душе глубокий интерес не только к боевым действиям, но и ко всем другим вопро-

сам, которыми живет страна,— вот к чему прежде всего стремился комиссар Клычков. Он понимал, что работа эта не из легких, что вести ее нужно осторожно, исподволь, чтобы не задеть самолюбие начдива, не отпугнуть его от себя, не заглушить то хорошее, что есть в нем, что дано от природы.

«Чапаев из ряда вон,— думает о нем Клычков,— он не чета другим — это верно, его трудно будет обуздать, как дикого степного коня; но... и диких коней обуздывают!.. Только надо ли? — вставал вопрос.— Не оставить ли на произвол судьбы эту красивую, самобытную, такую яркую фигуру, оставить совершенно нетронутой? Пусть блещет, бравирует, играет, как многоцветный камень!

Мысль эта у Клычкова была, но она показалась и смешной и ребяческой на фоне гигантской борьбы.

Чапаев теперь — как орел с завязанными глазами: сердце трепетное, кровь горяча, порывы чудесны и страстны, неукротима воля, но... нет пути, он его ясно не знает, не представляет, не видит...

И Федор взялся хоть немножко осветить, помочь ему и вывести на дорогу... Пусть не удастся, не выйдет,— ничего: попытка не пытка, хуже все равно от этого не будет...

Если же удастся — ого! Революции таких людей во как надо!»

Сколько в этих словах доброго чувства к Чапаеву, и как велико стремление Клычкова сделать дальнейший путь прославленного полководца еще более ярким и ясным! И сколько при этом желания сохранить, приумножить в чапаевском характере самобытные черты его натуры!

Клычков видит лишь один путь в работе с Чапаевым: помогать его политическому росту, не сглаживая, не приглушая при этом его горячих, чудесных порывов и страстей, его неукротимой воли,— пусть все это остается, пусть «играет, как многоцветный камень», но при одном условии — у орла-полководца должна быть снята с глаз повязка! И Клычков начал освещать ему дорогу вперед, к новым знаниям, к высотам коммунистической идейности.

Комиссар Клычков решил так вести себя с начдивом и его соратниками, «чтобы не самому в этой среде свариться, а, наоборот, взять ее под идейное влияние. Брать

надо с головы, с вождя — с Чапаева. На него и направил, на нем и сосредоточил Федор все свое внимание...»

За плечами у Клычкова был к тому времени уже некоторый политический опыт работы среди ткачей Иваново-Вознесенска. Там под руководством Фрунзе он приобрел навыки организационной и агитационной деятельности, выработал черты характера, необходимые партийному работнику,— умение общаться с народом, склонять людей на свою сторону не путем разного рода поблажек, заигрывания, снисходительных уступок, а путем принципиального, конкретного решения вопросов, заботливого, душевного отношения к рабочему человеку Не плестись в хвосте у масс, а вести их за собой, воодушевлять умелым партийным словом и собственным примером — вот главные принципы, которыми он руководствовался прежде, и которые взял на вооружение, став комиссаром дивизии.

Клычкова как партийного работника отличала способность глубоко анализировать факты и явления, вникать во все стороны жизни человека. Он часто размышляет о Чапаеве, наблюдает за его действиями, взвешивает каждое его слово, стремясь всесторонне разобраться в сильных и слабых чертах начдива: «хотелось поскорее рассмотреть, увидеть в нем все и все понять. Так темной ночью на фронте шарит охочий сыщик-прожектор, торопясь вонзиться в каждую щелку, выгнать мрак из углов, обнаружить стыдливую наготу земли».

Детальное знание людей, с которыми приходится вести политико-воспитательную работу, помогает Клычкову всегда быть на высоте положения, находить надежные ключи к душам чапаевцев и Чапаева. При этом он проявляет выдержку, такт и осторожность. Если не удалось убедить в чем-то человека сразу, он спустя некоторое время возвращался снова и снова к прежнему разговору, пока не доказывал свою правоту, не добивался успеха в своей политической работе. В романе мы находим немало убедительных примеров того, как терпеливо и настойчиво Клычков развивает в Чапаеве качества по-настоящему активного коммуниста, помогает разобраться в сложнейших политических вопросах, остерегает от опрометчивых решений и ошибочных представлений.

Мы уже отметили в предыдущей главе, что Чапаев был слабо подкован как политик, не понимал во всей полноте значение и силу международного рабочего движения,

высказывал подчас ошибочные взгляды на первостепенные задачи текущей внутренней жизни в стране, неверно определял роль интеллигенции в обществе, не читал политической литературы и т. д. Это была общая беда полководцев гражданской войны, родившихся в рабоче-крестьянских семьях, не имевших возможности до революции получить сносное образование.

Чапаев почти десять лет провел в армии. Там же, в окопах, освоил грамоту, но не настолько, чтобы глубоко разобраться в философских, теоретических вопросах. Да и разбираться-то когда было? Что ни день, то сражение, подготовка к новому сражению, боевые походы. Не до чтения тут!

Школа революции сделала его политиком, научила разбираться, где друзья и где враги, в каком направлении надо строить жизнь. И рад был бы Чапаев — он об этом не раз говорит в романе — читать нужную большевику литературу, повышать свой культурный и политический уровень, но не бросишь же боевого дела, не оставишь дивизию без руководства! Разбить белую армию, завоевать для трудового народа счастливую долю — вот какую главную задачу видит он перед собой как советский полководец и как коммунист. По этой причине он и военную академию в Москве оставил, поспешил на фронт, к своим боевым товарищам. Поле битвы с врагами Страны Советов стало его военно-политической академией. И у нас нет оснований винить Чапаева в политической инертности, нежелании постигать премудрость философии и политики. То, что он прежде не успел сделать это, не вина его, а беда —условий подходящих не было! В. И. Ленин подчеркивал: «...в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, что она *будит* эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 199).

Мы видим, как с помощью Клычкова, под влиянием более опытных в политике людей стремится он преодолеть свое отставание. Начдив уважает своего комиссара за «ученость», прислушивается к его замечаниям, когда тот указывает ему на отдельные ошибки в его суждениях, вносит коррективы и уточнения в агитационные чапаевские речи.

Другой недостаток Чапаева Клычков видел в том, что он был решительным противником «штабов»— так начдив называл те военные органы, откуда дивизия получала приказы, директивы, боеприпасы и обмундирование. «Чапаев был глубочайше убежден,— рассказывает Дмитрий Фурманов,— что в «штабах» засели почти исключительно одни царские генералы, что они «продают налево и направо», а «народ», под руководством таких вот вождей, как он сам, Чапаев, не дастся на удочку и, поступая поперек штабных приказов, обычно не проигрывает, а выигрывает. Недоверие к центру было у него органическое, ненависть к офицерству была смертельная, и редко-редко где был приткнут по дивизии один-другой захудалый офицерик из «низших чинов». Впрочем, были и такие из офицеров (очень мало), которые зарекомендовали себя непосредственно в боях. Он их помнил, ценил, но... всегда остерегался».

Недостаток этот могло устранить время. Как видно из этой характеристики, Чапаев не ко всем штабистам относился враждебно, а лишь к тем из них, которых не испытал в бою, зато помнил и ценил тех, кто умел воевать.

Что же касается чрезмерной осторожности к господам генералам, служившим прежде в царской армии и перешедшим на нашу сторону, то и здесь Чапаева понять можно. По отношению к нему лично и к его дивизии некоторые из них (об этом неоднократно говорится в романе) вели себя предвзято, пренебрежительно, отрицая полководческий талант Чапаева и недооценивая военные успехи его дивизии. А если учесть, что в штабах сидело немало ставленников Троцкого, притаившихся белогвардейцев, то станет понятна та осторожность, с которой начдив относился к их действиям и приказам. Чапаевская недоверчивость к бывшим белым генералам была вызвана еще и тем, что перед самым ответственным сражением с колчаковской армией, как мы узнаем из романа, один из комбригов дивизии переметнулся к белым.

Чапаев был по-детски доверчив, верил в слухи, в рассказы знакомых и друзей. Это часто приводило к плачевным результатам. По ложному доносу мог Чапаев обидеть невинного человека, из-за всевозможных вздорных слухов впадал в беспочвенную подозрительность, начинал верить, что махорка, предназначенная красноармейцам, отдается на паек самарским жителям, что штабисты день

и ночь пьянствуют и ежесекундно предают чапаевцев врагу, что по злой воле отдельных лиц, а не по причине общей нехватки или задержки движения транспорта с опозданием поступают на фронт продукты питания и снаряжение, что из-за птиц, разносчиков заразы, в армии распространяется тиф —«чем больше птиц, тем больше тифу»...

Легковерие, вспыльчивость, излишняя самонадеянность, терпимое отношение к людям, которые льстили ему, «кружили голову» своим восторженным преклонением перед ним,— все это шло от недостаточной культуры и образованности, от той, еще дающей о себе знать «темноты», в которой ему пришлось жить в дореволюционном прошлом. Из-за этого он мучился и страдал, всей душой устремлялся к новой жизни, с помощью Клычкова преодолевал слабости и предрассудки, духовно и политически развивался. Комиссар помогал открыть его лучшие человеческие свойства и качества.

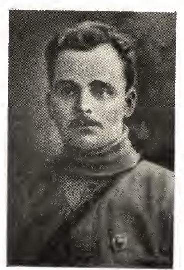
Между Чапаевым и Клычковым не раз возникал разговор о казачестве. Чапаев вначале не видел разницы между богатыми и бедными казаками, считал, что все они заодно, против Советской власти. Клычков отвечал ему, что это неверно, и привел в качестве доказательства два веских факта: в Чапаевской дивизии в одной из бригад вся конная разведка состояла из казаков, а в Туркестане казацкие полки на целую область установили Советскую власть, то же самое — на Украине, на Дону. В романе хорошо показано, как в ходе этих политических бесед доводы Клычкова обретали действенную силу, и Чапаев был вынужден «сдаваться». Рассеивались прежние чапаевские представления о казачестве. Он научился видеть классовое различие между красными казаками и теми, которые служат в контрреволюционной белоказачьей армии, твердо уяснил, что казацкая молодежь из семей бедняков идет служить Советской власти, что богатые казаки эксплуатируют не только иногородних или киргизов, но и своего брата казака, наживаясь за счет его труда.

Впоследствии, через несколько месяцев после первой такой беседы с Клычковым, Чапаев, опираясь на его партийные доводы, будет другим рассказывать о классовом составе нашей армии и о причинах того, почему некоторые казаки воюют против Советов.

«Чапаеву крепко засело в голову,— сообщает Дмитрий Фурманов,— с десяток верных, бесспорных положений, которые он частью вычитал где-нибудь, а больше услышал в разговоре и запомнил... Эти положения, такие убедительные и простые, он воспринял со всей силой ясных и чистых своих мыслей, воспринял раз навсегда и бесповоротно, гордился тем, что знает их и помнит, а где-нибудь в разговоре старался вклеить непременно, будь то к делу или совсем не к делу».

От своего комиссара Чапаев узнал о том, что городские рабочие голодают и единственный выход — помочь им деревенским продовольствием. Он с большой чуткостью отнесся к этому сообщению и, выступая в одном из сел с речью перед крестьянами, вспомнил этот разговор с Клычковым и «так красочно описывал голод фабричных рабочих, так жестоко укорял крестьян за то, что они, сытые, совсем забыли голодных своих братьев, что крестьяне тотчас же постановили открыть между собою сбор зерна для отправки в Москву».

Чапаев всей душой тянулся к знаниям и охотно вступал в политические беседы с Клычковым. И беседы эти приучали Чапаева мыслить по-партийному, видеть не только внешнюю сторону событий, но их причины и следствия. Федор замечал, «как жадно ухватывался Чапаев за всякое новое слово,— а для него многое-многое было новым!.. В результате этих нескольких бесед Чапаев совершенно по-иному стал рассуждать о вере, о боге, о церкви, о попах... Чем дальше, тем тверже убеждался Федор, что Чапаев, этот кремневый, суровый человек, этот герой-партизан, может быть, как ребенок, прибран к рукам: из него, как из воскового, можно создавать новые и новые формы — только осторожно, умело надо подходить к этому, знать надо, что «примет» он, чего сразу не захочет принять... Основная плоскость, на которой можно было его особенно легко вести за собою,— это плоскость науки: здесь он сам охотно, любовно шел навстречу живым мыслям. Но и только. В другом — неподатлив, крепок, порою упрям. Условия жизни держали его до сих пор «в черном теле», а теперь он увидел, понял, что существуют новые пути, новое всему объяснение, и стал задумываться над этим новым. Медленно, робко подступал он к заветным вратам, и так же медленно отворялись они перед ним, раскрывая путь к новой жизни».

Дмитрий Фурманов.

В ряде эпизодов романа Фурманов показывает, как под влиянием Клычкова Чапаев начинает понимать политическую роль начдива в воспитании красноармейцев дивизии.

Рождался новый человек. «Многого он еще не понимал,— говорит о нем Фурманов в предпоследней главе романа,— многого не переваривал, но уже ко многому разумному и светлому тянулся сознательно, не только инстинктивно. Через два-три года в нем кой-что отпало бы окончательно из того, что уже начинало отпадать, и теперь приобрелось бы многое из того, что его начинало интересовать и заполнять, притягивать к себе неотразимо».

Всего полгода прошло с тех пор, как комиссар Клычков познакомился с Чапаевым. Пройден путь от недоверия к доброму, товарищескому взаимопониманию, к верной боевой дружбе. По сути дела, весь роман от начала до конца и дает нам возможность проследить, как развивалась, росла и крепла их дружба.

Почва для этой дружбы была благодатная. Оба они были коммунисты, страстно преданные интересам трудового народа, оба горели страстным желанием разгромить контрреволюцию, защитить родную Страну Советов от интервентов и белогвардейцев.

Еще до первой встречи с Чапаевым Федор с восхищением относился к бесстрашному солдату революции, талантливому полководцу, «знал, что имя его гремит повсюду, что на дружбу к нему многим и многим набиться было бы очень лестно». Мечтал о такой дружбе и сам Клычков.

Рука об руку идут они по суровым дорогам войны. В огне сражений нашел Чапаев в лице своего комиссара верную опору, надежного политического помощника. Когда накануне ответственной военной операции Фрунзе спросил Клычкова, что он думает о Чапаеве, комиссар, дав ему высокую оценку, сказал, что «симпатию и доверие Чапаева безусловно заслужил и думает, что в дальнейшем сойдется с ним еще ближе».

Проходит некоторое время, и после одной из ссор «из-за совершенной мелочи, из-за пустяка» Чапаев пишет своему комиссару записку. Доверительностью, трогательной сердечностью веет от каждого слова этой маленькой записки. Чапаев признается, что он несколько погорячился в присутствии комиссара, которому глубоко доверяет и открыто высказывает «все, что на мысли», и он лучше готов отказаться от должности начальника дивизии, «чем быть в несогласии с ближайшим своим сотрудником».

Письмо это, дословно, без малейших изменений, приведенное в романе,— одно из подтверждений душевного расположения начдива к Клычкову.

А подтверждений тому в романе множество. «Чапаев с Фёдором, тесные друзья и неразлучные работники, у себя на квартире были редко: жизнь проходила в штабе»,— говорится в одном месте. Через несколько страниц читаем: «Здесь, в политическом отделе, уже было известно о приятельских отношениях между Клычковым и Чапаевым». Чуть дальше — новое подтверждение их дружеских взаимоотношений: «При объездах полков обычно случалось само собою — молчаливо, без предварительного уговора — так, что Федор не успевал перетолковать со всеми командирами, а Чапаев не успевал ознакомиться с ячейкой и политической работой. Но что не успевал сделать один — непременно успевал другой. А когда ехали дальше и беседовали в пути — вся жизнь полка была как на ладони. Дружно, ладно жили. Ладно, дружно работали».

Это замечание имеет особенно важное значение, подчеркивает еще и еще раз мысль о том, что устремления начдива и комиссара слились, как два ручья, в одно русло и стали мощной силой.

При совместных действиях начдива и комиссара, организаторская и воспитательная работа стала неразрывным целым, и можно было добиться активной мобилизации красноармейских полков на скорейший разгром врага. Клычков верно определил свой метод работы с Чапаевым, проявил себя зрелым политработником, сумевшим «направить Чапаева на путь сознательной борьбы», и сделал это без грубого давления, педагогически тонко, с большим тактом, опираясь на рабочих-коммунистов, на политических работников дивизии.

Мы видим, как растет авторитет комиссара Клычкова, как продуманно и целеустремленно организует он политическую работу. «По селам и деревням разъезжались верхом, расходились пешие, расползались в «красных кибитках» агитаторы-коммунисты и рассказывали населению, куда и зачем идет Красная Армия, для чего она создана, что творится в Советской России, что происходит за ее пределами. Часто и сами знали мало — неоткуда было узнать, часто и передать складно не умели, зато главное всегда доносили, были светочами, были рупорами, были учителями... А то спектакли ставить начнут, «живой» фонарь раздобудут, возятся с ним, картины показывают,— это ли не дивом было в какой-нибудь захудалой, глухой деревушке... А что за работа в полку? Разная: зависит от того, где полк находится и что делает. В тылу, на отдыхе — одно дело, тут можно и по системе заняться и безграмотность изо дня в день изничтожить, лекции ставить, хоть и не в очень крупном масштабе, чтения организовать по часам — да мало ли что можно сделать? И делали. А в походе,— в боях — тут газета в руки неделями не попадала, тут не до лекций, не до митингов. В боях, так уж в боях!»

Политическая деятельность комиссара в романе отражена широко, на всех ступенях боевых подразделений. Фурманов не боится включать в живую ткань художественного повествования факты из области политической, культурно-массовой деятельности. Клычкову (да и, скажем в скобках, самому автору, бывшему комиссару Чапаевской дивизии) дорог этот опыт партийной работы

в условиях военного времени. И сейчас читатель имеет возможность во всей полноте и достоверности представить, чем тогда, в гражданскую войну, занимался комиссар дивизии. Фурманов знал, что комиссар во время гражданской войны и в других частях был главным помощником военкома. И поэтому писатель с полным правом сделал Клычкова одним из главных действующих лиц романа. Включение в роман эпизодов, связанных с работой военкома, вполне закономерно.

Какое политическое значение имела работа комиссара, как она поднимала боевой дух красноармейцев — отлично рассказано в эпизоде, где Чапаев, Клычков, Петька Исаев вместе с другими чапаевцами присутствуют на представлении пьесы самодеятельного автора. И хотя было приказано не аплодировать, бойцы восторженно приветствовали исполнителей. Но еще больший подъем зрителей вызвало выступление со сценических подмостков начдива Чапаева. Он произнес яркую речь, страстно говорил об эпизодах из боевой жизни дивизии, и, когда кончил, его проводили восторженно. У всех настроение было торжественное. А утром был бой. И красноармейцы сражались героически, многие из них отдали жизнь за Советскую Родину.

До Дмитрия Фурманова никому не удалось так живо, так обстоятельно и правдиво рассказать в художественном произведении о деятельности политработников в Красной Армии, о связи партии с массами, об умении политическую работу теснейшим образом увязывать с боевой, о формировании в ходе борьбы за Советскую власть новой личности красноармейца и командира.

Заслуга писателя заключается еще и в том, что он показал, как комиссар дивизии Клычков в своем развитии неуклонно шел вперед, непрерывно совершенствуя методы политической работы.

«Оглянувшись на эти минувшие шесть месяцев,— пишет Дмитрий Фурманов,— и сам Клычков теперь не узнавал себя — так он вырос, так окреп духовно, так закалился в испытаниях, так просто и уверенно стал подходить к разрешению всевозможных вопросов, которые ему до фронта казались безмерно трудными.

Только теперь почувствовал он могучее влияние боевой страды, воспитательное значение фронтовой обстановки...»

Вырабатывая в себе новые, необходимые политвоспитателю качества характера, Федор Клычков, не будучи по профессии военным человеком, учился у Чапаева боевому мастерству. Мы видим, как Клычков подавляет в себе чувство страха смерти, закаливает в боевых походах свою волю и свой характер, как постепенно овладевает военной стратегией и тактикой, находит свое место в бою, в общем строю чапаевцев.

И Чапаев отлично понимал, как много сделал Клычков для него, для сплочения дивизии в единое целое. Когда комиссара отозвали на другую работу, Чапаев хотел, чтобы боевой друг и дальше был рядом с ним: «Напрасно Чапаев посылал слезные телеграммы, просил командующего, чтобы не забирали от него Федора,— ничто не помогло, вопрос был предрешен заранее. Чапаев хорошо сознавал, что за друга лишался он с уходом Клычкова, который так его понимал, так любил, так защищал постоянно от чужих нападок, относился разумно и спокойно к вспышкам чапаевским и брани — часто по адресу «верхов», «проклятых штабов», «чрезвычайки», прощал ему и брань по адресу комиссаров, всякого «политического начальства», не кляузничал об этом в ревсовет, не обижался сам, а понимал, что эти вспышки вспышками и останутся».

Два разных характера — порывистый, непокорный, страстный и сдержанный, рассудительный, интеллигентный — раскрываются в романе глубоко, всесторонне. Характеры эти глубоко индивидуальны. Обретая под воздействием друг друга какие-то новые черты, избавляясь от ненужных качеств, Чапаев и Клычков не теряли при этом своей самобытности. Каждый из них живет в романе своей жизнью, у каждого свои привычки и привязанности. Но чем дальше развиваются события, тем отчетливей мы начинаем понимать, как общее боевое дело сближает, роднит их.

В своих раздумьях об отъезжающем комиссаре Чапаев особо выделяет в нем то, что тот его «защищал постоянно от чужих нападок». И в этом, на взгляд Чапаева, особенно убедительно проявлялись дружеские отношения комиссара к нему, так часто попадавшему в немилость начальства, штабистов — бывших белых генералов.

Комиссару нередко, как мы знаем, приходилось утихомиривать вспыльчивого Чапаева. И в этом проявля-

лось стремление помочь другу, предостеречь его от людей, которые хотели бы устранить его от руководства дивизией, использовать недостатки чапаевского характера в недобрых целях. Чапаев хорошо знал это и от души был благодарен Клычкову. Об этом неоднократно говорится в романе.

Охранять Чапаева от несправедливых наветов, поддерживать его в трудную минуту, не давать в обиду, постоянно быть готовым вступиться за него — в этом видел Клычков свой долг перед начдивом.

Чего только не наговаривали на Чапаева! И то, что он может «укокошить» своего комиссара, и то, что он анархист-партизан, и что собирается уйти к белым со своим «стихийным» отрядом... Чапаев жаловался на штабистов: «Ненависть имеют ко мне. Я телеграммы да писульки им такие отсылал, что в трибунал хотели... Ну-ка, разыскались командиры... Патронов, коли тебе надо — так нет их, а на приказы — ишь, горазды какие... Ну, и шил я их почем зря... Хулиган, говорят, партизан, чего с него взять...»

Клычков понимал, что несдобровать Чапаеву, если его брань в адрес штабистов будет продолжаться и ее «услышат недруги, запомнят, а потом со свидетелями да с документами припрут его к стене — деться будет некуда, скверненшее создастся положение», потому и отучал комиссар начдива от грубости и брани.

Вся беда Чапаева заключалась в том, что в силу своей чрезмерной горячности он подчас переносил огонь своего гнева на всех работников центра и «штабов», рубил, как говорится, сплеча, без разбора. И тут комиссар Клычков тактично, но твердо поправлял его.

Необузданность, буйство чапаевского характера нередко подводили начдива. «Эх, расшумится, разбунтуется, зло рассечет оскорблением,— пишет Дмитрий Фурманов,— распушит, распалит, ничего не пожалеет, все оборвет, дальше носа не глянет в бешенстве, в буйной слепоте».

Хорошо, что Чапаев, понимая свой недостаток, брал себя в руки, старался сдерживаться, не пороть горячку. В романе так сказано об этом: «Отойдет через минуту — и томится. Начинает трудно припоминать, осмысливать, что наделал, разбираться, отсеивать важное и серьезное от случайной шелухи, от шального чертополоха.

Разберется — и готов пойти на уступки. Но не всегда и не каждому: лишь тогда пойдет, когда захочется, и только перед тем, кого уважает, с кем считается. В такие моменты надо смело и настойчиво звать его на откровенность. На удочку шел Чапаев легко, распахивался иной раз так, что сердце видно». И в этом тоже выражалась его широкая русская натура, его открытость и ясность: «...поближе приглядись — увидишь простецкого, милейшего товарища, сердце которого открыто каждому чужому дыханью, и от этого дыханья каждый раз вздрагивает оно радостно-чутко. Посмотришь — и поймешь, что за этой пыльной бранью, за этой нахмуренной суровостью ничего не останется, ни малого камушка у пазухи,— он все выстреливает разом, подчистую».

Пришлось услышать Клычкову от недругов, что он, комиссар, подпал под чапаевское влияние, безропотно выполняет все его приказания. В политотделе после подобных разговоров пришли к выводу, что комиссару надо напомнить о его роли комиссара, и однажды прислали Клычкову повестку на суд. Но Клычков убедил руководство политуправления, что не следует тревожить Чапаева напрасно, не надо верить всякому вздору о нем, ибо на самом деле, Чапаев заслуживает самого уважительного отношения к себе. «Во всяком случае,— пишет о комиссаре автор,— пробыв с глазу на глаз неотлучно с Чапаевым целые полгода, Федор уносил о нем самые лучшие воспоминания. Ему, как и Чапаеву, тяжела была эта разлука».

Судьба комиссара Федора Клычкова напоминает другой замечательный литературный образ — Павла Власова из горьковской «Матери». Клычков, так же как Власов, пришел в книгу из жизни. Прототипом Клычкова послужил автор романа Дмитрий Фурманов. Их жизненные пути схожи. Это позволяет в какой-то мере говорить об автобиографичности образа Клычкова. Но не следует ставить между комиссаром и Дмитрием Фурмановым знак равенства. В Клычкове слились воедино судьбы многих комиссаров. Потому-то в романе мы находим немало эпизодов, в которых Фурманов не участвовал, другие факты нам хорошо известны по фронтовым дневникам писателя. Фурманов опустил подробности семейной жизни комиссара, а некоторые случаи, имевшие место в действительности, подал в измененном виде, со-

проводил их комментариями, рассмотрел и проанализировал как бы со стороны строгим и придирчивым писательским взглядом.

Все это дает нам твердое основание говорить о том, что Федор Клычков — не копия Дмитрия Фурманова, а обобщенный художественный образ, выражающий типические черты коммуниста-руководителя, боевого комиссара времен гражданской войны.

Не сразу и нелегко завоевал Клычков авторитет у Чапаева. Раскрыв Чапаеву глаза на многие явления политической жизни, сделав для него ясным конечную цель революционной борьбы — построение коммунистического общества, комиссар Клычков научил его смотреть на все, что происходит вокруг, с партийной точки зрения, пробудил в своем боевом друге горячий интерес к политике и культуре, передал ему от себя все самое лучшее, ускоряя процесс становления народного героя революции, человека социалистической эпохи.

Оба они, Чапаев и Клычков, дополняя друг друга, несут в себе черты положительного героя, рожденного в огне борьбы за светлый мир социализма, за Советскую власть. И в этом, пожалуй, заключается главное идейно-художественное достижение Дмитрия Фурманова, который, следуя в своем творчестве методу социалистического реализма, одним из первых среди советских писателей показал в литературе людей нового склада, обладателей богатого духовного мира, сознательных и отважных солдат революции.

Рядом с Чапаевым, рядом с комиссаром Клычковым мы постоянно видим других героев гражданской войны, командиров и красноармейцев. Они решающая сила в боях против Колчака, в событиях всемирно-исторического масштаба, от которых зависела судьба Советской России. Ведущие герои романа, Чапаев и Клычков, выступают носителями коллективной мысли, типических черт героев нового времени. «По заголовку «Чапаев»,— предупреждал читателей Дмитрий Фурманов,— не надо представлять, будто здесь дана жизнь одного человека,— здесь Чапаев — собирательная личность».

То же самое он мог бы сказать и о других действующих лицах романа, ибо в каждом из своих героев писатель стремился воплотить характерные черты, присущие той или иной социальной группе людей.

В архиве писателя сохранилась запись, которую он первоначально собирался поставить эпиграфом к роману «Чапаев»: «Мужикам Самарской губернии, уральским рабочим, красным ткачам Иваново-Вознесенска, киргизам и латышам, мадьярам и австрийцам — всем, кто был бойцами непобедимой Чапаевской дивизии, кто в суровые годы гражданской войны часто без хлеба, без сапог, без рубах, без патронов, без снарядов, с одним штыком сумел пройти по уральским степям до Каспийского моря, по самарским лугам на Колчака, на западе против польских панов, кто мужественно бился против белоказацкой орды, против полков офицерских, кто кровь свою пролил за великое дело, кто отдал жизнь свою на алтарь борьбы,— всем вам, герои гражданской войны, чапаевцы, я посвящаю эту книгу».

В словах этих содержится главное идейно-художественное устремление автора романа «Чапаев» — воспеть трудовой народ, поднятый революцией к созидательному творчеству истории.

Роман с большой художественной силой показал победу сознательного начала в революции над стихийными силами, сплочение народных масс с помощью наиболее организованной части городского пролетариата.

1/ I. Рабочий отряд

Первая страница черновой рукописи «Чапаев».

Такой организующей силой в книге выступают иваново-вознесенские ткачи. Это о них в октябре 1919 года, выступая перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, говорил Владимир Ильич Ленин:

«Сегодня я видел товарищей иваново-вознесенских рабочих, которые сняли до половины всего числа ответственных партийных работников для отправки на фронт. Мне рассказывал сегодня один из них, с каким энтузиазмом их провожали десятки тысяч беспартийных рабочих и как подошел к ним один старик, беспартийный, и сказал: «Не беспокойтесь, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся». Вот когда среди беспартийных рабочих возникает такое настроение, когда беспартийные массы, не разбирающиеся еще полностью в политических вопросах, видят, что мы лучших представителей пролетариата и крестьянства отправляем на фронт, где они берут на себя самые трудные, самые ответственные и тяжелые обязанности и где им придется в первых рядах понести больше всего жертв и гибнуть в отчаянных боях,— число наших сторонников среди неразвитых беспартийных рабочих и крестьян вырастает вдесятеро, и с войсками колебавшимися, ослабевшими, усталыми происходят настоящие чудеса» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 246).

Слова эти были произнесены задолго до того, как Фурманов приступил к работе над романом, и конечно, писателю был известен ленинский отзыв об иваново-вознесенских ткачах. Не потому ли первая глава романа, рисующая проводы на фронт собранного Михаилом Фрунзе рабочего отряда иваново-вознесенцев, так перекликается с ленинским высказыванием? Мы видим картину горячего энтузиазма многотысячной толпы, слышим возбужденные голоса рабочих, дающих клятву не уронить на войне своей пролетарской чести, и как бы вместе с автором ощущаем нарастающее в беспартийной массе чувство любви, искренней симпатии к большевикам-добровольцам, смело идущим на бой с Колчаком.

Знакомимся мы в романе и с беспартийным стариком, удивительно похожим на того, о котором говорил Ленин. Старый ткач, по лицу которого, «словно волны, подымались накаты безмерной радости», напутствует отъезжающих: «Коли надо идти — значит, идти. Неча тут

смозоливать. Только бы дело свое не посрамить,— то-то оно, дело-то! А в самые што ни есть плохие дни и про нас поминайте, оно легче будет. Мы вам тоже заруку даем: детей не оставим, жен не забудем, помочь какую ни есть, а дадим! Известно, дадим — на то война. Нешто можно без того...»

Очень близки ленинскому высказыванию также слова из речи Федора Клычкова о том, что на фронте «трудно — труднее, чем здесь» и что, может случиться, не всем доведется вернуться домой.

Получила в романе художественное отражение и ленинская мысль о необходимости оказывать пролетарское влияние на менее устойчивую часть крестьянской массы. Эта мысль, прозвучавшая в начале книги, проходит через весь роман. Автор внимательно и заинтересованно следит за дальнейшей судьбой рабочего отряда, сражающегося вместе с крестьянскими полками.

Во многих эпизодах Фурманов показывает, как рабочие помогают налаживать воинскую дисциплину в дивизии. Иваново-вознесенским ткачам, одетым в красноармейскую форму, пришлось не раз урезонивать бесшабашную удаль разгулявшихся молодцов из «вольных» крестьянских полков.

В романе немало страниц, посвященных дружбе комиссара Федора Клычкова с рабочими-красноармейцами, прибывшими из Иваново-Вознесенска. Выросший в их среде, прошедший вместе с ткачами школу революционной борьбы, он глубоко верил в их политическую зрелость и стойкость, в их верность пролетарскому делу. Он доказывает Чапаеву и чапаевцам, что только в тесном союзе крестьянства с пролетариатом может быть достигнута победа над белогвардейцами и интервентами, построено социалистическое общество.

С первых страниц Фурманов знакомит читателя с рабочими героями. Автор дает каждому очень лаконичную, выразительную характеристику.

Вот Терентий Бочкин. Автор сообщает, что парню двадцать восемь лет, что он веснушчатый, рыжеватый, с «добрым, ласковым взором», чувствует себя несколько смущенно в новой форме, с шашкой на боку. По-своему, по-народному комментируют новый облик Терентия его товарищи. «Терентия не узнаешь,— говорит один из рабочих,— в заварке-то мазаный был, как фитиль, а тут поди

Д. А. Фурманов. 1923.

тебе... Козырь-мозырь...» А другой смешливо подтрунивает: «Тереш, саблю-то сунь в карман — казаки отымут». И перед читателем встает образ рабочего добровольца, застенчивого, растерявшегося под градом дружеских насмешек.

Здесь же мы знакомимся и со слесарем Андреевым, приехавшим в Иваново из Петербурга, «юношей с грустными темно-синими глазами, с бледным лицом, стройным и гибким, с коммунаркой на голове, в истертой коричневой шинели». И снова автор, не ограничиваясь этой характеристикой, дает читателю возможность узнать о нем мнение других людей. Оказывается, у слесаря хотя глаза и грустные, зато нрав веселый. Он так и сыплет остротами, в общении прост и находчив. Чувствуется, с какой симпатией окружающие относятся к нему, рабочему человеку. Впоследствии читатель узнает, что Андреев будет назначен комиссаром 22-й дивизии и погибнет в борьбе за революцию.

В ряду других добровольцев «отчетливо выделялся Лопарь — с черными длинными волосами, блестящими глазами, высокий, худой. Он шел и братался, словно сам

себе на ногу наступал,— вихлястый такой, нескладный». Запоминается и молодая ткачиха Елена Куницына, «которую так любили за простую, за умную речь, за ясные мысли, за голос красивый и крепкий, что слыхали так часто ткачи по митингам».

Фурманов сумел найти глубоко индивидуальный подход к каждому своему герою, к рабочей массе, показать, как ткачи принимают близко к сердцу заботы и чаяния людей. Коммунисты вышли из народа, потому-то и отвечают люди на их речи, умные и добрые, полнейшим доверием.

В описании картины митинга автор каждой художественной деталью, репликами из толпы помогает читателю ощутить нерасторжимое единство рабочих людей, коммунистов и беспартийных, молодых и старых, женщин и мужчин, всех, кто отправляется на фронт, и тех, кто остается в тылу. Их объединяет одна дума, одно стремление: одолеть врага, отстоять в борьбе Советскую власть! И эти люди, спаянные в дружный, монолитный коллектив, в единую рабочую семью,— не безликая масса. Нет! Автор показывает человеческие особенности каждого своего героя.

Умение в общем разглядеть индивидуальное, определить и выделить наиболее типичное, основное в многоликой толпе, показать единый революционный, патриотический людской порыв, пафос массового героизма,— в этом прежде всего и заключается отличительная особенность художественного дарования Дмитрия Фурманова. Он остро чувствовал правду нового времени и правду нового человеческого характера, рожденного этим революционным временем. Политический и нравственный рост каждой отдельной личности отражал ход общей борьбы за свободу и счастье трудящихся.

Писатель прослеживает весь путь отряда ткачей из Иваново-Вознесенска до прифронтовой Самары и показывает, что даже на стоянках в тупиках полустанков проводили коммунисты среди местного населения агитмитинги, собрания, читали лекции. И местные жители видели в большевиках прежде всего хороших людей. Ткачи, пишет Дмитрий Фурманов, так вели в этом долгом походе агитацию, что «она словно дверь распахнута к той гигантской работе, что за годы гражданской войны развернули иваново-вознесенцы. И где их, бывало, не встре-

тишь: у китайской ли границы, в сибирской тайге, по степям оренбургским, на польских рубежах, на Сиваше у Перекопа,— где они не были, красные ткачи, где они кровью не полили поле боя? То-то их так берегли, то-то их так стерегли, то-то их так любили и так ненавидели: оттого им и память — как песня сложена по бескрайним равнинам советской земли.

Вот ехали теперь на фронт и в студеных теплушках, в трескучем январском холоду учились, работали, думали, думали, думали. Потому что знали: надо готовым быть ко всему. И надо уметь войну вести не только штыком, но и умным, свежим словом, здоровенной головой, знаньем, уменьем разом все понимать и другому так сказать, как надо. По теплушкам книжная читка гудит, непокорная скрипит учеба, мечутся споры галочьей стаей, а то вдруг песня рванет по морозной чистоте — легкая, звонкая, красноперая: «Мы кузнецы — и дух наш молод, куем мы счастия ключи...»

В этих словах, пронизанных гордостью и восторгом за рабочие полки, передано чувство высокого понимания иваново-вознесенскими ткачами своего революционного долга. Автор говорит о перспективе героического боевого будущего иваново-вознесенцев. Вместе с Чапаевым, Клычковым они будут сражаться в приволжских и уральских степях, после гибели начдива пойдут биться с белополяками, примут участие под водительством Фрунзе в штурме Перекопа. Фурманов еще раз говорит читателю, что симпатию и любовь народную рабочие полки заслужили своим героизмом, политической сознательностью и сплоченностью, беспредельной преданностью идеям революции.

Воспевая пролетарскую спаянность и революционность рабочих, автор показывает доверительное, доброе отношение к ним соратников по оружию. Вот иваново-вознесенцы читают записку командующего 4-й армией Михаила Фрунзе, где он в теплых, сердечных словах приветствует земляков-ивановцев. «Ее писал командующий армией,— торжественно объясняет Федор Клычков товарищам,— а разве не чувствуете вы, что писал ее равный со всеми и во всем нам равный человек? По этой товарищеской манере, по этому простому тону разве не чувствуете вы, как у нас от рядового бойца до командира поистине один только шаг? Даже и шага-то нет, товари-

щи: оба сливаются в целое. Эти оба — одно лицо: вождь и рядовой красноармеец!» Рассказывая о Пилюгинском сражении, комиссар Клычков не забывает при этом подчеркнуть, как отличились иваново-вознесенцы: «Земляков своих я не видел уже два месяца и не успел даже того узнать, что Никита Лопарь и Бочкин — здесь же, в полку, перебрались из уральских частей, соскучились воевать по другим полкам... Все знакомые, дорогие лица...» Фурманов рассказывает, как в битве за Уфу, комиссар полка Никита Лопарь своим примером, своим бесстрашием остановил дрогнувшую красноармейскую цепь, как Михаил Фрунзе повел земляков-ивановцев в атаку: «Он с винтовкой выбежал вперед: «Ура! Ура! Товарищи! Вперед!» Все те, что были близко, его узнали. С быстротой молнии весть промчалась по цепям. Бойцов охватил энтузиазм, они с бешенством бросились вперед. Момент был исключительный! Редко-редко стреляли, патронов было мало, неслись со штыками на лавины наступающего неприятеля. И так велика сила героического подъема, что дрогнули теперь цепи врага, повернулись, побежали...»

Утверждая авангардную роль пролетариата в борьбе за новую жизнь, Дмитрий Фурманов прослеживает также рост социалистического сознания бойцов крестьянских чапаевских полков, показывает пролетарское влияние на неустойчивую, подверженную анархизму часть крестьянской массы, поворот ее от стихийных действий к сознательному участию в политической борьбе под руководством ленинской партии большевиков.

«Всякий раз, в течение двухлетнего существования Советской власти,— говорил В. И. Ленин в октябре 1919 года,— когда замечалась некоторая неустойчивость среди крестьянской массы, которая не видела и не знает советской работы, мы обращались за помощью к наиболее организованной части городского пролетариата и получали от него поддержку самую героическую» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 246).

Обстановка на фронте тогда была не из легких. «...Под Уральском,— сообщает Дмитрий Фурманов,— бились — и лихо бились, отлично, геройски бились — почти сплошь крестьянские полки, где либо вовсе не было коммунистов, или было очень мало, да и то из них половина «липовых».

Конечно, и в крестьянских полках красноармейская масса была не однородна. Дмитрий Фурманов выделяет немало бойцов и командиров, высоко осознавших свой революционный долг.

Говоря о соратниках Чапаева, Дмитрий Фурманов замечает, что между ними было много общего: «манеры одинаково резкие, речь самобытная, колоритная, насыщенная ядреной степной простотой. Одна семья!» Но в общей массе чапаевских бойцов и командиров мы легко распознаем отдельных героев. Каждому из них отводит автор в романе заметное место, и каждый проявляет себя в деле в соответствии со своим характером, своими склонностями и пристрастиями. Как и ивановских ткачей, не спутаешь их — каждый самобытен, неповторим. В романе с большой теплотой и сердечностью выписаны образы отважных чапаевцев: лихой комбриг Сизов с широкими рабочими мозолистыми ладонями, с характером порывистым и непокорным: «себе цену знает и в обиду себя никогда, никогда никому не даст, даже своему командиру»; чапаевский ординарец Петька Исаев, «маленький, худенький черномазик», ловкий и бесстрашный, погибший вместе с начдивом в Лбищенске и награжденный посмертно за славные дела орденом Красного Знамени; могучий богатырь, не ведавший страха, Чеков — «широка и крута у Чекова грудь, тяжелого веса лапы-лопаты»; лихой кавалерист, командир конной разведки Вихорь — его «трудно возмутить: от природы таков, всегда таков, и в бою таков»; шумливый и беспокойный Шмарин — «черноглазый, черноволосый, смуглый и изо всех самый старший: ему под пятьдесят». И в то же время все они — одна семья, объединенная общей борьбой и общими целями. Своей верностью коммунистическим идеалам они, вышедшие главным образом из крестьянских семей, пожалуй, не уступали красным бойцам, приехавшим из славного рабочего города Иваново-Вознесенска.

Если бы вся чапаевская семья была такой! К сожалению, в первый же день своего прибытия в Уральск ивановцы стали свидетелями бесшабашного, анархического поведения отдельных бойцов дивизии: несмотря на острую нехватку снарядов и патронов, была вдруг открыта бесцельная стрельба «в небо», просто так, восторга ради. Рабочие решительно выступили против подобного бес-

чинства. И позднее во время боевых походов приходилось ивановским коммунистам неоднократно показывать свой рабочий характер, налаживая дисциплину в полках, борясь с мародерством и бездумной партизанской удалью.

Ярко, художественно изобразил Фурманов исторически конкретные формы влияния иваново-вознесенских коммунистов на идейное воспитание крестьян-красноармейцев. Рабочие-коммунисты учили бойцов Чапаевской дивизии: «Мало быть смелым воином, надо быть еще и сознательным».

И мы видим, как под партийным влиянием происходит духовное обновление личности, формируются сознательные бойцы революции.

Революция, разбудившая в людях высшие духовные силы, помогла многим из них обрести собственное достоинство, веру в свои силы и способности, пробудила интерес к политическим знаниям.

И ныне роман «Чапаев» дорог и близок всем, кто живет интересами и чаяниями родного народа, кто в каждом деле чувствует себя революционным строителем, революционным бойцом, кто готов до последнего вздоха биться за народную правду, утверждать идеи гуманизма и справедливости, отстаивать коммунистические идеи, коммунистическое будущее.

«Для меня,— сказал Анатолий Васильевич Луначарский, откликаясь в 1926 году на скорбную весть о преждевременной смерти Дмитрия Фурманова,— он был олицетворением кипящей молодости, он был для меня каким-то стройным, сочным, молодым деревом в саду нашей новой культуры. Мне казалось, что он будет расти и расти, пока не вырастет в мощный дуб, вершина которого подымется над многими прославленными вершинами литературы... Он был необычайно отзывчивым на всякую действительность — подлинный, внимательный реалист; он был горячий романтик, умевший без фальшивого пафоса, но необыкновенно проникновенными, полными симпатии и внутреннего волнения словами откликнуться на истинный подъем и личностей и масс. Но ни его реализм, ни его романтизм никогда ни на минуту не заставляли его отойти от его внутреннего марксистского регулятора... Я считал Фурманова надеждой пролетарской

Памятник писателю в г. Фурманове.
Скульптор Н. Дыдыкин.

литературы; среди прозаиков ее, где, несомненно, есть крупные фигуры, Фурманов был для меня крупнейшим...»

Пламенные слова на VIII комсомольском съезде произнес поэт Александр Безыменский:

«Если кто-нибудь захочет узнать, как мыслили люди в боевое время, если кто хочет узнать, какие люди делают революцию, как боролись и умирали за наше дело, тот... увидит в книгах Фурманова лицо боевых дней наших, по которым нам надо будет учиться, по которым каждому молодому члену партии, каждому комсомольцу нужно будет закаляться, воспитываться...»

Глубоко был опечален вестью о смерти Дмитрия Фурманова М. Горький, который внимательно следил за развитием его творчества, считал «Чапаева» и «Мятеж», как он выразился «интереснейшими и глубоко поучительными книгами». В письме из Сорренто на имя жены писателя он так охарактеризовал Фурманова: «...Мир становится лучше. Вот — в нем все больше рождается таких орлят, как Ваш муж... Для меня нет сомнения, что в лице Фурманова потерян человек, который быстро завоевал бы почетное место в нашей литературе. Он много видел, он хорошо чувствовал, и у него был живой ум. Огорчила меня эта смерть. Я с такой радостью слежу за молодыми, так много и уверенно жду от них».

«Произведения Фурманова,— написал в предисловии к переводу «Чапаева» на французский язык один из руководителей компартии Франции, писатель Поль Вайян Кутюрье,— напечатанные в сотнях тысяч экземпляров, дают типический пример русской литературы новой эпохи, литературы полезной, свободной от всякого подкрашивания под литературу, литературы жизни и борьбы».

Не меркнет воспитательное значение романа «Чапаев» в жизни и литературе. Каждое новое поколение воспринимает Фурманова своим современником и соратником, видит и находит в герое его романа что-то сокровенное и очень близкое, созвучное новому времени, раскрывает в нем незамеченные прежде грани характера, душевные переживания, проблемы, которые и по сей день не утратили своей актуальности.

Перед тобой на столе лежит роман о любимом полководце гражданской войны. Ты уже знаешь, как сам автор дорожил этим произведением, какую роль сыграло оно в его собственной судьбе и судьбе всей советской ли-

тературы, как по-доброму, тепло и благодарно откликнулись на книгу о Чапаеве читатели и писатели, какие споры вызвала она у современных критиков, как помогала и помогает сейчас формировать людские души, прививая читательской массе благородные, коммунистические чувства и устремления. Легендарный образ начдива в нашем представлении нерасторжимо слился не только с литературным его воплощением, но и с тем, каким показали нам его режиссеры братья Васильевы и артист Бабочкин в изумительном по своей правдивости и художественной силе фильме «Чапаев», облетевшем чуть ли не все киноэкраны нашей планеты, каким он предстал перед читателем со страниц других книг — прозаических и поэтических, хроникальных и мемуарных, историко-популярных и фольклорных, научных и сказочных, коллективных и индивидуальных.

Фурмановский роман возбудил массовый интерес к личности Чапаева, породил целую литературу на чапаевскую тему. И это очень знаменательно. Уже в одном этом факте видится колоссальная заслуга Дмитрия Фурманова, первым из писателей художественно ярко и непревзойденно показавшего роль и значение Чапаева в истории гражданской войны, истории Советского государства.

«Чапаев был чистым, благородным и совершенно бескорыстным. Он был смелым и честным воином, каждую минуту готовым умереть за дело социализма. В его характере найдете много неустойчивого, а в поступках много резкого и подчас сумасбродного, но никогда и ничего вы не найдете в них лукавого, бесчестного и недостойного. На Чапаева можно было сердиться, но не любить и не уважать его было невозможно» — так написал о Чапаеве Дмитрий Фурманов в листовке, изданной политотделом реввоенсовета фронта вскоре после гибели легендарного начдива.

И эта фурмановская мысль нашла яркое образное, художественное отражение в его романе «Чапаев».

БЕССМЕРТИЕ ГЕРОЯ

В статье Константина Симонова «Некоторые проблемы развития советской прозы», написанной в 1954 году, в ряду других книг литературы социалистического реализма, отразивших во всей суровой правде, без смягчения и приукрашивания картины гражданской войны, особое место отводится фурмановскому «Чапаеву». «В гибели Чапаева,— пишет Симонов,— буржуазный писатель постарался бы подчеркнуть тщету человеческой жизни, иронию судьбы, горечь случайной гибели после стольких подвигов. Буржуазный писатель не преминул бы подчеркнуть, что с гибелью героя исчерпан и смысл книги и смысл самой жизни. Именно с таким безысходным чувством написан, например, финал романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Иное дело литература социалистического реализма, иное дело — писатель-большевик Д. Фурманов. Хотя Чапаев умирает в расцвете сил и таланта, это, вызывая чувство горечи, не рождает чувства ужаса. Деятельность одного человека трагически прервана, но она продолжена другими, и не ужас смерти, а красота жизни во имя народа остается главным в душе читателя».

Эстетика социалистического реализма не знает запретных тем. Писателю предоставляются неограниченные возможности в раскрытии любых самых драматичных и трагических случаев, вплоть до показа физической гибели человека. Важно, чтобы художник судил о своем герое, о его жизни и смерти с точки зрения интересов народа, общественной необходимости того или иного поступка. Важно уберечь читателя от чувства пессимизма, жертвенности, показать ему красоту подвига, совершаемого во имя благородной цели, во имя торжества высокой, гуманной идеи.

Герой книги, погибая, остается победителем, ибо он отдает всего себя победе, светлому будущему многих-многих других людей. Он идет на верную смерть, твердо зная — дело его не умрет, его продолжат товарищи по борьбе. И он, совершая свой трагический шаг, не боится смерти, она воспринимается им как жестокая необходи-

мость, как последняя возможность послужить людям, способствовать их счастью на земле.

Чапаев постоянно думал о счастливой жизни трудящихся Советской России, думал и о том, как сам будет жить в этой новой жизни, во имя которой сражался, проливал кровь. Он видел перед собой общество, в котором не будет жадности и своекорыстия, невежества и темноты, не будет ни бедных, ни богатых, а будет радость и достаток для всех людей труда.

Только при новой власти и почувствовал себя крестьянский сын Василий Чапаев нужным человеком, научился ценить свою жизнь. «Вы думаете,— признался он както Клычкову,— каждому человеку жизнь свою жаль? Да не только што, а и один не всегда ее любит как следует. Я, к примеру, был рядовым-то, да што мне: убьют аль не убьют, не все мне одно? Кому, я, такая вошь, больно нужен оказался? Таких, как я, народят сколько хочешь. И жизнь свою ни в грош я не ставил... Триста шагов окопы, а я выскочу, да и горлопаню, на-ка, выкуси... А то и плясать начну на бугре-то. Даже и думушки не было о смерти. Потом, гляжу, отмечать меня стали — на человека похож, выходит... И вот вы заметьте, товарищ Клычков, што, чем я выше подымаюсь, тем жизнь мне дороже».

В романе нередко возникают такие разговоры — о жизни и смерти. И это закономерно. Ведь книга посвящена гражданской войне. Рабочие уходят сражаться за молодую Республику Советов, сознавая, что не все из них останутся в живых. Но для них дороже жизни интересы революции, счастье и свобода народа. Они идут исполнять свой революционный долг с твердой верой, что их жертвы не пропадут даром. «Надо, значит, идти — вот вам и весь сказ!» — объясняет двадцатидвухлетняя Елена Куницына, вступившая вместе с другими ткачихами в красноармейский отряд, ибо для нее совершенно ясно, что без всенародной поддержки врага не одолеть.

Объезжая вместе с Чапаевым перед рассветом поле предстоящего сражения, Клычков думает о том, кто и как встречает свой смертный час, об идущих в атаку людях, которых в этот роковой момент охватывает не страх, не ужас смерти, а высочайшее душевное напряжение, ибо «при сближении с местом боя и независимо от того, труслив ты и робок или смел и отважен: спокой-

ных нет, это одна рыцарская болтовня, будто есть совершенно спокойные в бою, под огнем,— этаких пней в роду человеческом не имеется. Можно привыкнуть казаться спокойным, можно держаться с достоинством, можно сдержать себя и не поддаваться быстро воздействию внешних обстоятельств,— это вопрос иной. Но спокойных в бою и за минуты перед боем нет, не бывает и не может быть».

Как и Клычков, Чапаев тоже считал, что бойцу надлежит сдерживать себя при любых обстоятельствах, не паниковать перед неприятелем, держать себя гордо, с достоинством, как и подобает воину Красной Армии. Он сам так поступал и других учил не поддаваться страху в бою и в то же время предостерегал их от ненужной лихости, от бесшабашной удали. «Шалишь, брат, зря умирать не хочу»,— заявлял Чапаев, считавший, что безрассудная смерть никому не нужна. «Пулю шальную не люблю,— признался он однажды Клычкову.— Ненавижу... Глупой смерти не хочу! В бою — давай, там можно...» Чапаев, глубоко дороживший жизнью, готов был в любую минуту пожертвовать собой, если это надо было во имя Родины, во имя счастья народа.

После описания Пилюгинского боя Клычков с тревогой спрашивает: «Кто останется жив? Кто уйдет? С кем выступать будем в завтрашнюю зарю, с кем никогда-никогда не увижусь... после сегодняшнего боя? А впереди еще бесконечные походы, ежедневные ожесточенные бои... Весна... Начало... Колчак дрогнул лишь в первых рядах, а сокрушить надо всю огромную стотысячную массу. Как это дорого обойдется! Как много будет к осени жертв, как многих не досчитаемся вот из этих, из товарищей, что идут теперь со мною!»

Чем ближе к финалу, тем трагичнее звучит грустная нота неминуемой гибели полководца: «уж недолго ему осталось жить,— скоро Чапаева не стало»,— с глубокой печалью обронит автор, описав выступление начдива перед крестьянами с призывом начать сбор зерна для отправки в голодную Москву. И через несколько страниц — снова: «Над Лбищенском собирались черные тучи, а он не знал, что так близка эта ужасная катастрофа...»

Дмитрий Фурманов не был свидетелем этой катастрофы. Незадолго до Лбищенского сражения его отозвали на ответственную работу в политуправление Туркестан-

ского фронта. «Ему, как и Чапаеву, тяжела была эта разлука».

Когда страшная весть о гибели Чапаева долетела до Самары, где Дмитрий Фурманов в то время работал начальником политуправления фронта, в местной газете «Коммуна» появилась заметка «Погиб Чапаев, да здравствуют чапаевцы!». Бывший комиссар Чапаевской дивизии был потрясен этим сообщением и бросился разыскивать людей, которые могли рассказать о Лбищенской трагедии. Сведения были противоречивыми. Некоторые утверждали, что Чапаеву в ту ночь удалось спастись и он, переплыв Урал, добрался до Уральска. Обрадованный Дмитрий Фурманов незамедлительно дал в «Коммуну» опровержение: «Чапаев жив».

Но пришло официальное сообщение, подтвердившее, что Чапаева, Батурина, Петра Исаева и многих других близких ему людей нет в живых. «Я был потрясен этим известием...— пишет он в своем дневнике.— Думаю разом обо всех, за всех жутко и больно, всех жалко, но из всех выступает одна фигура, самая дорогая, самая близкая — Чапаев... Истинный герой, чистый, благородный человек. Ну давно ли оставил я тебя, Чапаев? Верить не хочется, что тебя больше нет!..»

И он по-прежнему решительно отгоняет от себя мысль о смерти любимого друга: «Все эти дни, как только узнал я про катастрофу в родной дивизии, сердце ноет, словно сжали его клещами и давят, давят безжалостно. О чем бы я ни думал — встанет вдруг любимый образ Чапая, и все мысли побледнеют перед этим дорогим образом... Если бы он был жив, мы услышали б несомненно, но вести как раз все скверные: утонул в Урале, убит, пропал, переправляясь через Урал...»

Вскоре стали известны некоторые подробности Лбищенского сражения, и, суммируя их, Дмитрий Фурманов в дневнике подробно описал картину последних минут жизни легендарного начдива. Но он тогда еще не знал многих деталей последнего чапаевского сражения, сомневался — то ли вражеская пуля сразила начдива, плывущего к другому берегу Урала, то ли он сам пустил себе пулю в лоб, не желая попадаться живым в руки врага. Многое надо было еще выяснить, уточнить, чтобы со всей правдивостью представить трагическую картину гибели полководца.

Пройдет несколько лет, и Фурманов так опишет в романе «Чапаев» последние минуты жизни начдива: «Они шаг за шагом отступали к обрыву... Не было почти никакой надежды — мало кто успевал спастись через бурный Урал. Но Чапаева решили спасти.

— Спускай его на воду,— крикнул Петька. И все поняли, кого это «его» надо спускать. Четверо ближе стоявших, бережно поддерживая окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному срыву. Вот кинулись все четверо, поплыли. Двоих убило в тот же миг, лишь только коснулись воды. Плыли двое, уже были у самого берега — и в тот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову. Когда спутник, уползший в осоку, оглянулся, — позади не было никого: Чапаев потонул в волнах Урала...»

Но народная молва еще долго продолжала твердить о спасении любимого героя. Почему? Может быть, не было свидетеля его гибели? Но ведь в романе Дмитрия Фурманова ясно сказано, что рядом с Чапаевым плыл боец, которому удалось спастись и который все видел. Правда, автор не назвал фамилии свидетеля, и долго была неизвестна его дальнейшая судьба. Захватив Лбищенск, белоказаки тщательно прочесали огнем оба берега Урала, прикончили всех, кто там укрылся. Не постигла ли подобная участь и этого человека?

А может, его попросту и не существовало в действительности? Тем более что в фурмановском дневнике утверждалось, что в последние минуты жизни «Чапая никто не видел» и «никто не знает», как он погиб. Все это заставляло усомниться в реальном существовании человека, который, если верить роману, был свидетелем гибели Чапаева. Но ведь запись в дневнике сделана Дмитрием Фурмановым по первым, далеко не полным и не совсем точным сведениям о Лбищенском сражении.

Впоследствии, встречаясь с участниками боя, писатель расширил и уточнил эти сведения, конкретно представил и изобразил обстановку боя. Мог он знать и последнего спутника начдива. Если, разумеется, спутник такой был на самом деле...

Да, этот боец был! Более того, он оставил нам свои воспоминания, которые так и озаглавил: «Гибель Чапаева». Они были напечатаны в Рязани в двух номерах газеты «Рабочий клич» за 1927 год. Но под текстом

воспоминаний не была указана фамилия автора — стояли лишь инициалы Т.С.З. Неведомый чапаевец-рязанец во всех подробностях взволнованно и живо изобразил картину смертельной схватки чапаевцев с белоказаками на берегу Урала, трагическую смерть Чапаева:

«Сорвал с меня одежду (Чапаев), толкнул в воду, бросился сам и поплыл.

Сведенная рука не давала мне плыть. Я плыл, кружась на одном месте. Он плыл рядом.

Случайно я оглянулся назад, на берег. Там несколько казаков докалывали раненых, которые не могли подняться, ставили пулемет. Один стоял и стрелял, прицеливаясь в Чапаева.

Я выбился из сил и стал тонуть.

— Крепись! — крикнул он мне и чуть поддержал меня.

Оправился, поплыл.

Течение отнесло меня аршина на полтора ниже.

Он стал выбиваться из сил. Раз, другой погрузился в воду.

Я напряг все силы, к нему, но сил не было. Руки, ноги не двигались. Он скрылся...

Я потерял сознание...

...Течение Урала отнесло меня на правый берег ниже Лбищенска и спасло мне жизнь.

Не спасся он, жертвуя своей жизнью ради меня, израсходовал последние силы.

Я лежал на берегу. Мой взгляд упал на часы, которые стояли, но до этого шли. Попавшая вода остановила их. На них было 9 часов 10 минут.

Это было 5 сентября 1919 года...»

Кто же был тот человек, жизнь которому спас Чапаев?

Лишь спустя сорок лет со дня гибели прославленного полководца удалось узнать имя автора. Им оказался Тимофей Семенович Зуйков, бывший связист при штабе дивизии, коммунист, участник Великой Отечественной войны. В семье его до сих пор хранятся ручные часы, полученные от Чапаева в награду за храбрость. Стрелки часов показывают одно и то же время — час гибели начдива. «Жизнь мне спас Василий Иванович. Если бы он поплыл один,— не раз говорил чапаевец Зуйков друзьям,— то, вероятно, остался бы жив».

На протяжении всего романа мы жили предчувствием этой драмы. Мы знали, что она неминуема. И, несмотря на это, гибель Чапаева — потрясение, неожиданность. Так хотелось, чтобы не случилось этого!

Скупо, строго, отдельными штрихами, короткими, броскими фразами рисует Дмитрий Фурманов последнее чапаевское сражение. Страницы эти — одни из самых волнующих. В них писатель вложил и свою любовь к народному герою, и свою боль, и свою страстную веру в бессмертие чапаевского имени.

Верный жизненной правде, Дмитрий Фурманов не мог не показать этот роковой час, эту хватающую за душу трагедию, показать для того, чтобы советские люди знали, какой дорогой ценой была добыта победа над врагом, сколько отважных героев сложило голову за родную Советскую власть, во имя жизни и счастья грядущих поколений, чтобы читатель твердо знал — революционная борьба не бывает без жертв, требует предельного героического напряжения человеческой воли и энергии, полной отдачи человека революции, постоянной готовности к самопожертвованию во имя революционного долга.

Повествование завершается не гибелью Чапаева. Конец романа — это торжество дела Чапаева, прославление его подвига. Мы читаем о его соратниках-коммунистах, погибших, как и легендарный начдив, без стона и мольбы: они были «такие гордые и прекрасные в своем молчаливом мужестве, с дрожащими губами и горящими гневом глазами и, посылая проклятья казацкой нагайке, умирали под ударами шашек, под ружейными пулями». В бесстрашии, самоотверженности Чапаева и чапаевцев нет и следа жертвенности, обреченности. В них — призыв к победе, утверждение несокрушимости духа советского человека, силы и непобедимости народных масс, освобожденных революцией.

После гибели начдива ближайший соратник Чапаева комбриг Сизов, взяв на себя командование дивизией, повел в бой чапаевские полки, чтобы продолжить его бессмертное дело. Снявшись ночью с боевых позиций, красноармейцы почти двое суток шагали не отдыхая, направляясь в сторону Лбищенска. «Не шли, а словно на крыльях летели»,— подчеркивает автор нетерпение чапаевцев, решивших внезапным ударом сокрушить ненавистного врага, отомстить за смерть любимого начдива.

И они отомстили, вступив в жаркую, смертельную схватку с белоказачьими частями под хутором Янайским: «Завязался упорный, кровопролитнейший бой,— таких боев немного запомнят даже старые боевые командиры Чапаевской дивизии... От сопротивления переходили к атакам и снова замирали, когда несносен становился пулеметный огонь...

Другого боя, подобного янайскому, не было. Скоро подошла подмога... Казаки угонялись вспять через те же хутора и станицы, где лишь несколько дней тому назад быстро-быстро спешили от погони красные полки. Теперь они снова шли в наступление уж на самый Гурьев, до берегов Каспийского моря...

Проходили и Лбищенск, застывали над братскими могилами, пели похоронные песни, клялись бороться, клялись победить, вспоминали тех, что с беззаветным мужеством отдали свои жизни на берегах и в волнах неспокойного Урала».

Показывая победу чапаевцев под хутором Янайским, одержанную уже без Чапаева, автор тем самым подчеркивает мысль о нескончаемости чапаевского подвига, о том, что оставшиеся в живых красноармейцы следуют дорогой чапаевской ратной славы.

Писатель, верный марксистскому учению о том, что творцом истории являются не отдельные личности, а народ, воспроизводит картины массового героизма, показывает, как соратники и ученики Чапаева идут дорогой героя Чапая, в образе которого нашли яркое художественное отражение прекрасные черты русского национального характера, черты народа, совершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию и поднявшегося на защиту ее завоеваний.

Тема формирования и роста героя нового, советского времени была главной в творчестве Дмитрия Фурманова. Она и поныне остается важнейшей темой литературы социалистического реализма. Вслед за Серафимовичем, Фурмановым, Островским, Фадеевым, Шолоховым, Леоновым, Фединым и другими нашими выдающимися писателями, раскрывшими духовное величие и красоту нового человека и воспевшими несокрушимую силу коммунистических идей, советская литература включилась в работу по воспитанию людей, способных по-коммунистически жить, трудиться, отстаивать на земле мир и счастье,

Д. А. Фурманов. За рабочим столом. 1924 год.

Борцам за счастье трудового народа во всем мире хорошо известно имя Чапаева. С этим именем испанские республиканцы боевых батальонов имени Чапаева и Фурманова поднимались в атаку против фашистских банд.

Интернациональная бригада, во главе которой стоял комиссар Матэ Залка, близко знавший Фурманова, шла в бой с фашизмом с «Песней чапаевцев» на устах:

Франко и Гитлер, плох ваш расчет,
Мы защищаем испанский народ.
Каждый из нас Чапаева сын,
В штурм, на победу, вперед как один!

Рядом с этой песней о Чапае, сочиненной немецким поэтом-антифашистом Ульрихом Фуксом, шла в сражение другая — о чапаевском военном комиссаре, которую сочинил известный испанский поэт Хосе Эрреро:

Он вырос сам в войне гражданской,
В бойцах твой опыт повторен,
О новый Фурманов испанский,
Тобой Чапаев закален!

Песни эти так и остались недопетыми. На полуслове оборвала их фашистская пуля. Погиб в борьбе за свободу испанского народа доблестный венгерский «генерал Лукач» — так называли бойцы своего комбрига Матэ Залку. Упал на многострадальную испанскую землю, окропив ее кровью, и мужественный поэт Ульрих Фукс...

Но не умерла песня о Чапаеве. В странах Латинской Америки и Африки, в Корее и Вьетнаме, во многих других огненных точках земли грозной волной поднималось народное освободительное движение, и борцы за свободу перед решающей схваткой с местными эксплуататорами и иностранными завоевателями просили еще и еще раз показать им кинофильм о Чапаеве.

Чапаева нет среди нас. Но он живет в думах и делах своих соотечественников.

Сколько стихов и песен, легенд и сказаний и поныне гуляет по волжским берегам, по степям уральским — повсюду, где под красным знаменем сокрушали чапаевцы ненавистного врага, очищали родную землю от белогвардейской нечисти! В пекле сражений зарождались эти сказания и легенды. И творцами их, как правило, были непосредственные участники чапаевских походов. В сказочную форму облекали они то, что видели сами, во что верили беспредельно.

Верили бойцы и в бессмертие своего прославленного начдива, которого они любовно называли Чапаем. Во многих стихах, песнях, народных легендах содержится эта мысль — Чапаев жив, белые не смогли убить его!

Каким был при жизни, таким и поныне живет в памяти народной бессмертный герой-полководец, сквозь десятилетия шагающий по дорогам своей легендарной славы в нашу современность. Не хочет, не может народ смириться с мыслью о его смерти, никогда не зачислит в списки павших. Навечно остался он в нашем сознании неустрашимым и мудрым, грозным и веселым, лихим командиром рабоче-крестьянских полков.

Верные слова сказал младший товарищ Дмитрия Фурманова комсомольский поэт Александр Жаров:

И, устремляя в будущее взгляд,
Он нам внушал любым своим рассказом,
Что для единой воли нет преград,
Когда ведет ее
Партийный разум.

В часы тревоги в грозовом году
Я Фурманова вспоминал недаром,
Сказав,
Что в бой за Родину иду,
Напутствуемый другом комиссаром.
Мне той порою не были страшны
Ни лютый вой, ни натиск своры дикой...
Со мною —
Воля всей моей страны
И ясный разум партии великой!

Фурмановский «Чапаев», воодушевляя соотечественников, поднимался на леса новостроек первых пятилеток, подгонял время вперед, вел молодую рабочую гвардию на ударный труд. Он был и с теми, кто, не страшась кулацких обрезов, ставил сельское хозяйство на социалистические рельсы, создавал в деревнях колхозы, выводил крестьянство из темноты былой жизни к свету знаний и культуры.

Когда гитлеровские полчища варварски напали на нашу Родину, чтобы задушить Советскую власть, Чапаев вместе со всем народом поднялся на священный бой с врагом, и впереди атакующих рот неизменно шли бессмертный начдив и его боевой комиссар. Чапаевская слава была приумножена новыми ратными подвигами на полях Великой Отечественной войны.

Дивизия имени Чапаева победоносно прошла по фронтовым дорогам, громила по-чапаевски фашистов и под Белгородом, и под Одессой, и под Севастополем, и под Синельниковом, и под Будапештом, со славой закончила свой ратный путь, отмеченный высокими боевыми орденами Суворова и Богдана Хмельницкого. В тылу у врага отважно бились с захватчиками партизанские отряды, носившие имя легендарного начдива.

В солдатских ранцах и офицерских сумках доблестные воины нередко хранили потрепанные томики, на обложке которых значилось — «Чапаев».

Книги эти, прошедшие сквозь огонь и дым военных пожарищ, простреленные вражеской пулей, обожженные пламенем взрыва, окровавленные и изувеченные смертоносными осколками мин и снарядов, лежат ныне под стеклами в городских и сельских музеях боевой славы как свидетельство беспримерной храбрости и самоотверженности советского солдата, как убедительное доказательство новой боевой жизни фурмановского «Чапаева».

Роман «Чапаев» переведен иа многие ниостранные языки.

Роман «Чапаев», изданный на разных языках народов СССР, вошел в золотой фонд литературы социалистического реализма. Миллионы и миллионы людей во всем мире читают это замечательное произведение, переведенное на 21 иностранный язык. По роману неоднократно создавались театральные инсценировки, снят фильм. Композитор Б. Мокроусов в основу своей оперы положил роман «Чапаев».

Завидная, героическая судьба у книги, передающей народу из поколения в поколение чапаевское бесстрашие, чапаевскую убежденность, чапаевское умение бороться и побеждать.

ЧТО ЧИТАТЬ О ЧАПАЕВЕ И ФУРМАНОВЕ

Фурманов Д. Собр. соч. в 4-х т. М., 1960—1961.

Озеров В. Д. А. Фурманов. Критико-биографический очерк. М., 1953.

Кононов А. Рассказы о Чапаеве. М., 1954.

Бережной А. Фурманов — журналист. Л., 1955.

Венгеров Н. и Эфрос М. Дмитрий Фурманов. Биографический очерк. М., 1962.

Куприяновский П. Художник революции. М., 1967.

Горбунов Г. Дмитрий Фурманов. М., 1967.

Владимиров Г. Солдат революции. Страницы жизни и творчества Дм. Фурманова. Ташкент, 1967.

Хлебников Н., Евлампиев П., Володихин Я. Легендарная чапаевская. М., 1968.

Исбах А. Фурманов. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1968.

Кутяков И. Боевой путь Чапаева. Куйбышев, 1969.

Легендарный начдив. Книга о В. И. Чапаеве. Куйбышев, 1971.

Баныкин В. Рассказы о Чапаеве. М., 1972.

Разумневич В. Приказ номер один. Рассказы о Чапаеве. М., 1973.

Разумневич В. Зарево. Повести. М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Лукьянович РАЗУМНЕВИЧ

РОМАН О ЛЕГЕНДАРНОМ НАЧДИВЕ

Редактор *А. В. Ведрашко*
Художник обложки *Ю. К. Левиновский*
Художественный редактор *Н. М. Ременникова*
Технический редактор *М. М. Широкова*
Корректор *К. А. Иванова*

ИБ 3656

Сдано в набор 01.12.78. Подписано к печати 03.05.79. А 03845 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1 Литер. гарн. Высокая печать. Условн. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 5,86. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6144. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография издательства «Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.

25 коп.

